

ДМИТРИЙ ВИДИНЕЕВ

Дети палача

МЕСТЬ ИССУШАЕТ ДУШУ

Дмитрий Видинеев

Дети палача. Месть иссушает душу

«Издательские решения»

Видинеев Д. А.

Дети палача. Месть иссушает душу / Д. А. Видинеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831911-2

Дети палача Фарамор и Невея лишились всего. Они изгои. Но их ждут разные пути. Брат выбрал дорогу зла, сестра — добра. Мир на краю гибели, и виной тому Фарамор, для которого больше нет понятия «жалость». Им движет безумие, и только Невея знает, как остановить брата. Выбор непрост: пойти против родной крови или смириться? Невея выбирает противостояние.

ISBN 978-5-44-831911-2

© Видинеев Д. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	45
Глава 11	47
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дети палача
Месть иссушает душу
Дмитрий Видинеев

© Дмитрий Видинеев, 2016

ISBN 978-5-4483-1911-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Толпа шумела. Ремесленники, знать и нищие – все собрались на площади посмотреть на привычное, но неизменно волнующее зрелище казни. Торговцы, не упуская случая, явились со своим товаром: пирожками и пряниками в деревянных лотках, бочонками с сидром и пивом, водруженными на тележки.

Некоторые пришли, облачившись в лучшие наряды, как на праздник, но большинство людей было в повседневной одежде. К чему наряжаться? Казнь продлится недолго, а потом нужно снова возвращаться в мастерские, пекарни, кузни и прачечные.

Палач Легис Тоул стоял возле плахи и мрачно смотрел на толпу. Сегодня ему предстояло отрубить голову не какому-нибудь лиходею, а самому министру по внешним делам государства Ростеру Агору. Как и положено, при казнях знатных особ, на Легисе был алый плащ с островерхим капюшоном, лицо скрывала черная полумаска. Руки покоились на эфесе двуручного меча, острие которого упиралось в дощатый настил эшафота.

Раньше Легис верил: отрубая головы преступникам, он совершает благое дело. Да, так было, но не теперь. Вот уже несколько месяцев, как в его душе поселилась уверенность: многие из тех, кого он лишал жизни, невиновны. В последнее время казни участились. Приходилось рубить головы чуть ли не каждый день. Но главное то, что приговоренные к смерти были сплошь изменники государства, шпионы и заговорщики. Многих из них Легис хорошо знал и верил в их невиновность. Взять хотя бы Ростера Агора... ну, какой он шпион? Все знали его заслуги перед страной. Благодаря ему войны с южным государством Рахтар удалось избежать. Министр всегда был предан Исходным землям и трону. Так как получилось, что суд признал его шпионом? Почему многие достойные люди вдруг оказались государственными преступниками?

Сомнение и совесть не лучшие качества для палача, но так уж получилось, что у Легиса Тоула они были. Это не мешало ему заниматься своим ремеслом, пока он знал: все, кого суд приговорил к смерти, действительно ее заслужили.

Как-то Горхал, верховный жрец храма Трех Богов, сказал, что ремесло палача благословенно, ведь оно очищает мир от скверны, хоть и обрекает себя на всеобщее презрение. Слова жреца запали Легису в душу. Они укрепили уверенность в правильности выбора столь неблагодарного ремесла. Да, большинство людей его ненавидели, но палач давно с этим смирился.

Сейчас же приходилось мириться и с тем, что он отправляет на тот свет невиновных. Такие деяния уж точно не могут быть угодны богам. Каждый раз, заносая меч над шеей очередной жертвы, Легис сознавал: Великая Пустота, куда после смерти попадают все грешники, все ближе!

Вчера вечером к нему домой приходила жена Ростера Агора. Едва увидев ее на пороге, палач догадался о цели ее визита: просьба о милосердии. Накануне казни часто приходили родственники или друзья тех, кому суждено расстаться с жизнью от его руки. Они предлагали деньги, лишь бы он лучше наточил меч и отрубил голову без показного промедления, которое так любит толпа. Последнее время Легис денег не брал, как не взял их и с жены Ростера, пообещав женщине, что смерть ее мужа будет быстрой. Более для усмирения своей совести он сделать не мог.

Толпа зашумела и начала расступаться, образуя коридор по которому несколько законников вели Ростера Агора. Позади шел глашатай и служитель храма Трех Богов. На министре из всей одежды была только серая рубаха до колен. Легис отметил, что держался Ростер достойно. Не сутулился, голову не опускал, смотрел с вызовом, но в лице и движениях чувствовалось напряжение. Многие люди пытались держать себя в руках, но редко кому удавалось

сохранять самообладание до конца. Палач очень надеялся, что Ростер выдержит последнее в жизни испытание.

Люди потрясали кулаками, плевались, лица искажала злоба. Их ненависть всегда была столь яркой, когда казнили государственного преступника.

«Глупцы! – с досадой думал Легис. – Тупое стадо, они даже не пытаются думать и сомневаться... а я в стократ хуже них!»

Палач увидел, что на широкий балкон ратуши вышел государь Таракот в окружении свиты. Он всегда присутствовал на казнях знатных людей, не отказывая себе в таком удовольствии. Государь был слабым во всех отношениях правителем. Тщедушный, с болезненным блеском в глазах и желтой, как старый пергамент кожей – он не мог унять дрожь в руках даже на людях. За пределами Исходных земель, называя имя Таракот, не забывали добавлять «трусливый». Государю всюду мерещились заговоры. Он не доверял никому, но это не мешало ему верить интриганам и клеветникам, которые пользовались его страхом в своих интересах. Лишь государыня Трейда могла успокоить сына и приструнить лжецов, но полгода назад она скончалась. Связь между этим печальным событием и участвовавшими казнями была очевидна для тех, кто не научился разумно мыслить... для таких, как Легис.

Возле лестницы Ростер Агор остановился и один из законников подтолкнул его в спину. Процессия поднялась на эшафот. Глашатай выдержал небольшую паузу и начал зачитывать постановление суда. Толпа притихла. Четкий голос глашатая разлетелся по площади, эхом отражался от стен домов и, без сомнения, достигал ушей государя:

– ... на основании закона судебного уложения Исходных земель, одобренного государем...

Люди знали каждое слово. Менялись лишь имена и статус обвиняемых, но не общий текст в свитке глашатая.

Легис увидел, что Ростера бьет мелкая дрожь. Палач знал, скольких усилий стоит советнику держаться и мандраж лишь мизерное проявление слабости. На месте министра многие бы уже упали на колени и обливались слезами, или стояли с отрешенным видом, так как их разум смилостивился и вырвался из реальности. Ростер, без сомнения, человек сильный духом.

– ...приговаривается к смерти через лишение головы! – закончил глашатай и начал сворачивать свиток. – Прошу палача привести приговор в исполнение.

Над площадью царил тишина. Законники подвели Ростера к плахе, поставили на колени и отошли.

«Держись! – молил Легис. – Осталось немного...»

Министр расправил плечи и посмотрел на небо. В глазах отразились плывущие облака. На несколько мгновений уголки губ Ростера приподнялись, и палач подумал, что сейчас министр видит ни небо, а образы из прошлого, что-то далекое и приятное. Легис часто наблюдал подобное, словно сознание перед смертью давало мимолетное отдохновение, погружая в глубины памяти, в те времена, когда все было хорошо. Министр зажмурился, глубоко вздохнул и положил голову на плаху, при этом он не дрожал и выглядел спокойным, видимо вложив в последние мгновения жизни остаток силы воли.

Все ожидали, что палач медленно подойдет к жертве, поиграет мечом, вызывая в их душах трепет, но произошло то, чего не ожидал и сам Легис: он подскочил к министру, резко взмахнул мечом, – отблеск солнца молнией метнулся вдоль лезвия – и с силой, на которую только был способен, отрубил Ростеру голову. Так быстро. Так мгновенно. Никто не догадывался, каким презрением искажено скрытое за маской лицо палача – презрением к самому себе, к своему ремеслу. Никто не подозревал, какая буря бушует в его душе.

Толпа издала единый шумный вдох. В этом звуке смешались разочарование и восхищение. Люди явно не такого зрелища ожидали, но теперь у них будет тема для пересудов. И главное: как отнесется государь к выходке палача?

Глава 2

Фарамор привык к недружелюбным взглядам. Еще несколько лет назад это его тяготило, вызывало недоумение, но теперь он начал принимать холодное отношение людей к нему и его тринадцатилетней сестре Невее более спокойно. Смерился. А что еще оставалось? Не всю же жизнь тяготиться незримым клеймом «Сын палача»? Был момент, когда Фарамор чувствовал внутренний протест и смотрел на людей с вызовом, будто говоря: мне плевать, что вы обо мне думаете! Но протест длился недолго – к чему скрежетать зубами, если люди этого даже не замечают? А когда ему исполнилось семнадцать, он и вовсе начал надеяться, что рано или поздно отношение людей к нему и Невее изменится. Ему нравилось в это верить и строить планы на будущее, в котором клеймо «Дети палача» растворится в течении времени.

Он любил отца и уважал его выбор, но в душе жалел, что тот не кузнец или, например, не сапожник. Конечно, своя выгода в ремесле палача была: палач никогда не останется без работы; помимо выплаты из казны, ему давали деньги близкие осужденных на казнь. Да и суевверные торговцы отдавали продукты бесплатно, считая, что взять деньги от служителя топора и плахи, значит навлечь на себя тринадцать несчастий. Выгода, несомненно, была, а для вдовца, у которого двое детей – это важно.

С одобрения отца, Фарамор вот уже два года состоял в учениках у живущего по соседству старика алхимика Шабатара. Учитель был один из тех немногих людей, которых совершенно не волновало, чей Фарамор сын, да хоть самого хозяина Великой Пустоты. Главное – ученик способный. Старик не раз отмечал, что усердие юноши в постижении алхимической науки достойно восхищения. И хотя Шабатар всегда был щедр на похвалу, в отношении молодого ученика он не кривил душой.

Да, Фарамор старался и после двух лет обучения видел свое будущее в житейском плане вполне четко: выучиться и стать мастером; открыть алхимическую лавку, благо денег в семье на это хватало; жениться. Нормальное, спокойное будущее.

Строить планы легко, когда мир вокруг не претерпевает больших перемен. Но, как раз в последнее время жизнь в столице становилась иной. Это тревожило Фарамора. Он видел в лицах людей страх. По улицам ходили усиленные патрули законников. А еще эти ежедневные казни... После смерти государыни Трейды, жизнь города менялась не в лучшую сторону.

Но хуже всего то, как изменился отец. За последнее время он будто выцвел, как упавший с ветки лист, осунулся, постарел. Иногда Легис подолгу сидел без движения, погруженный в свои мысли. Тогда Фарамор видел в его глазах тоску, которая временами перерастала в приступы гнева. Легис всегда сдерживался, заставлял себя успокоиться, но в его взгляде еще долго оставалось то, что Фарамор расценивал, как душевная боль. Душевная боль? Но в чем ее причина? Конечно, Фарамор спрашивал отца, но тот всегда отвечал что-то неопределенное, не желая делиться с сыном тяжелыми мыслями.

Фарамору приходилось довольствоваться догадками. Он полагал, что такое состояние отца связано с участвовавшими казнями. А с другой стороны у Легиса и раньше бывало много работы. Год назад поймали целую ватагу разбойников, промышлявших грабежом в окрестных лесах. Тогда он рубил головы лиходеям каждый день в течение недели и выглядел вполне довольным своим неблагодарным делом. Так чем же те казни отличались от нынешних? Фарамор никогда не ходил смотреть на работу отца. Он не знал, что большинство преступников в последнее время обвинялись в государственной измене.

После казни Легис Тоул возвращался домой мрачный. Ему было не по себе. То, как он отрубил голову министру, люди могли расценить по-разному. Кто-то решит, что это праведный гнев на изменника государства, из-за которого палач проявил несдержанность. Но най-

дутся и те, кто скажет: «Старина Легис пожалел предателя и шпиона». Какой из этих вариантов выберет государь Таракот?

Прежде чем войти в дом, палач зашел в маленькую пристройку, которую в шутку называл «оружейная». На дощатой стене висел устрашающего вида огромный топор. Им Легис рубил головы тем, кто недостоин смерти от меча. В углу стоял грубый, словно сколоченный наспех сундук без замка. Легис сделал его сам, а плотник из него был неважный. Палач положил в него плащ и маску. Меч завернул в пропитанное жиром полотно и повесил на стену рядом с топором.

Легис уже собирался уходить, но что-то заставило его остановиться возле дверного проема, повернуться и посмотреть на меч на стене. У палача возникла странная мысль, что он больше никогда не прикоснется к этому оружию. По спине пробежал холодок. Руки затряслись, и Легис сжал кулаки, чтобы унять дрожь. В побелевшем лице и широко открытых глазах отразился ужас. Легис вдруг подумал, что он никогда не ставил себя на место своих жертв. Никогда! Да, он мог представить их чувства. Но одно дело представлять, а другое испытывать этот всепоглощающий, пронзающий каждую частицу тела страх.

Палач долго стоял в оцепенении, глядя на завернутый в полотно меч. Сейчас он проклинал свое ремесло и жалел о слабости, которую проявил на сегодняшней казни.

«Прошу вас, боги, – молил Легис, – пусть Таракот расценит мой поступок как праведный гнев на предателя».

Он боялся не только за себя, но и за Невею и Фарамора. Что с ними станет, если его выходка на площади будет чревата последствиями?

Фарамор никогда не видел отца таким изможденным. Словно сегодняшняя казнь вытянула из него все силы. Запавшие глаза болезненно блестели, а морщины на осунувшемся лице, казалось, стали глубже, чем были утром.

Невея, с улыбкой, подбежала к отцу. Она всегда радовалась, когда он возвращался домой, даже если уходил ненадолго. Фарамор позавидовал сестре, ее детской непосредственности. Она не замечала состояния отца. Или замечала? Порой ему казалось, что он недостаточно хорошо знает Невею. Несмотря на возраст, девочка была стойкой, терпеливой. Если и плакала, то старалась, чтобы ее никто не видел. Скрывать слезы, как заметил Фарамор, она начала три года назад, после смерти матери. Невея редко смеялась, но еще реже ее лицо было мрачным, и только в больших серых глазах, порой, отражались ярчайшие эмоции. Фарамор не исключал, что сестренка видит душевную боль отца, но улыбается, желая таким образом растворить уныние.

Легис подхватил дочку и поцеловал в щеку. Проявление нежности он мог себе позволить только дома. На людях же палач должен оставаться всегда грозным, словно самим олицетворением суровости – так оговорено в ремесленном контракте. В нем описано много условий, которые приходилось соблюдать. Нарушить одно из них, значит, недополучить жалование. Но с Легисом такого еще не случилось.

Он поставил Невею на пол, подошел к сыну:

– Мне надо с тобой поговорить.

Фарамору не понравились проскользнувшие в его голосе интонации. Слишком серьезные. До ужаса – серьезные.

– Конечно, отец, – ответил он.

Отец и сын сидели за столом, на который сквозь небольшое окно падали лучи полуденного солнца. Снаружи доносились обычные звуки города: далекие выкрики зывал на купище, цокот копыт и стук колес по мостовой от проезжавших мимо повозок. Звон наковальни из кузницы в конце улицы. Все было так мирно и обыденно, что Фарамору казалась рассказанная

отцом правда дурным сном. Ему не хотелось верить в казни невиновных людей, в то, что отец изо дня в день вынужден бороться с самим собой. Верить не хотелось, но наполненные болью глаза отца были лучшим доказательством правды.

– Да, я совершил ошибку, – тихо сказал Легис. – Не знаю, о чем я думал? Это был какой-то порыв. Моя несдержанность может дорого обойтись, – он посмотрел в дверной проем, ведущий на кухню. Там за столом дочь резала овощи к обеду. – Боги, как бы я хотел, чтобы время повернулось вспять!

– Может, все не так плохо, как ты думаешь? – с надеждой спросил Фарамор. – Ничего ведь еще неизвестно. Думаю, отец, ты напрасно переживаешь.

Легис посмотрел в глаза сына цвета ледяной синевы, прошелся взглядом по его худому с длинным подбородком лицу, которое, судя по цвету кожи, видало больше тени, чем солнечного света.

«Сможет ли Фарамор постоять за себя и Невею, если меня не станет? – подумал Легис. – Он парень смысленый, но... В Великую Пустоту все эти „но“! Возможно и, правда, не стоит настраиваться на худшее».

– Будем надеяться, что все обойдется, – с воодушевлением сказал он. – Должно быть я просто устал, потому и лезет в голову всякое... Да, скорее всего так и есть. В конце концов, кто я такой, чтобы сам государь Исходных земель обращал на меня внимание?

Через час после этого разговора к ним в дом пришли законники и забрали Легиса Тоула. Они не удосужились объяснить причину задержания. Прежде, чем его вывели за порог, палач оглянулся и посмотрел на детей. Сын стоял с поникшими плечами и отчаянием в глазах. К нему жалась перепуганная Невея. Теперь Легис был уверен, что больше их не увидит. Он попытался ободряюще улыбнуться, но лицо исказила гримаса полная отчаяния и боли.

Фарамор и Невея долго простояли возле Дома Закона, пытаясь хоть что-то разузнать про отца. Тщетно. Стражники толком ничего не знали и внутрь пускать отказались. А все, кто выходил из здания, либо от вопросов отмахивались, либо пожимали плечами. Когда стемнело, уставшие и измученные тревожными мыслями, брат и сестра отправились домой.

Они шли по улице не спеша, неосознанно не желая отдаляться от места, где сейчас находился отец. Ветер гонял по мостовой мусор, от водостоков доносился запах гниения. Теплый свет из окон падал на брусчатку янтарной желтизной и размывал темноту, превращая ее в сумрак. Вдалеке пьяные голоса горланили песню, им вторил еще более далекий собачий лай.

– Что теперь будет? – тихо спросила Невея. Всю дорогу она задумчиво смотрела себе под ноги, ветер трепал ее вьющиеся каштановые волосы.

Фарамор вспомнил, как днем сказал отцу, что не стоит переживать и, возможно, все обойдется. И сейчас хотелось ответить сестренке теми же словами. Это было так просто. Всего лишь обнадежить, успокоить, даже если и сам уже не веришь во все эти «возможно».

– Я... я не знаю, – ответил он и подумал, что так погано на душе у него еще никогда не было.

Невея взяла его за руку и слегка сжала ладонь, решив этим жестом поддержать себя и брата.

Мимо прошел патруль законников, освещая себе путь зеленым фонарем. Из таверны справа доносился людской гомон и писклявые звуки скрипки. На крыльце заведения сидел и клевал носом пьяный старик, рядом лежала лохматая собачонка – она проводила девочку и юношу равнодушным взглядом и прикрыла глаза.

В эту ночь Фарамор не спал. Сидел возле очага и смотрел на огонь, будто бы там, в языках пламени пытаясь найти ответ на вопрос, который вечером задала Невея: что теперь будет? Он не хотел думать о худшем, но тяжелые мысли безжалостно заползли в сознание, не давая

расслабиться. Иногда Фарамор вставал с кресла, подходил к окну и вглядывался в ночь, сам не понимая, что надеясь увидеть. Силуэт отца в темноте улицы? Пожалуй. Хотя он понимал, что его надежда так и останется надеждой.

Глубоко за полночь Фарамор тихо зашел в спальню. Невея спасла, но он заметил, что сон ее не был спокойным: веки девочки подрагивали, иногда она морщила лоб, на котором выступила испарина. Рядом с подушкой лежала кукла – тряпичный человечек с рыжими лоскутными волосами и вышитой красной нитью улыбкой. Невея звала его Хитрец Хет. Она уже переросла тот период, когда играла в куклы, но этот человечек был для нее чем-то вроде талисмана.

Под утро, когда усталость полностью затуманила разум, Фарамор все же уснул, сидя в кресле возле тлеющего очага.

Его разбудил стук в дверь – громкий, нетерпеливый, заставивший Фарамора вскрикнуть при пробуждении. Ноги затекли, но он все же быстро подошел и открыл дверь. В переднюю ввалились двое законников. Их взгляды не предвещали ничего хорошего.

– Твой отец, парень, обвиняется в участии в заговоре против государя! – резко, с металлом в голосе сказал один из них.

Внутри у Фарамора все похолодело. Внизу живота появилась тяжесть. Слова законника врезались в сознание, как таран в ворота осажденной крепости, разнося их в щепки.

– Но... но, как же суд? – в голосе пересохло, и голос Фарамора походил на кряхтение старика.

– Суд уже состоялся. Твой отец полностью признал свою вину, и сегодня в полдень ему отрубят голову.

– Нет! – чувствуя, как тело наполняется слабостью, выдохнул Фарамор.

– Вам с сестрой разрешено присутствовать на казни, – без единого намека на сочувствие продолжал законник. – После чего вы должны навсегда покинуть город. По закону вам разрешается взять с собой столько добра, сколько сможете унести... Кроме денег и драгоценностей.

В дверном проеме спальни появилась заспанная Невея. При виде законников ее глаза округлились. В серых радужках отразился падающий из окна свет.

– Фар, что случилось? – ее голос дрожал.

«Что... что ей ответить?! Что?» – разум Фарамора стонал в поисках ответа.

– Твой папаша сегодня лишится головы, малышка, – ухмыляясь, сказал законник, чем заслужил осуждающий взгляд своего старшего товарища, по всей видимости, имевшего представление о сочувствии.

Фарамор опустился на колени и закрыл лицо ладонями, не желая видеть реакцию сестры на эти слова. Он беззвучно зарыдал, изо всех сил подавляя рвущийся из легких крик и проклиная себя за эту слабость. Но ничего не мог поделать. Мир рухнул. Прошлое и будущее затягивала мгла, оставляя лишь этот наполненный болью островок настоящего. Фарамор почувствовал на голове мягкую ладонь сестры. Невея погладила его, пытаясь успокоить. Он подумал, что она сильная, гораздо сильнее него. Ему надо взять себя в руки. Во что бы то ни стало, нужно взять себя в руки.

Он медленно поднялся с колен, чувствуя тошноту и злясь на свою слабость. Не сразу, но посмотрел в глаза законнику:

– Кто будет палачом?

– Гейдер. Тюремщик Гейдер. Его назначили на место вашего отца.

Под присмотром законников Фарамор собирал вещи. Невея сидела на лавке возле окна, крепко прижимая к себе куклу. Глаза девочки блестели от слез, но она упорно держалась, чтобы не расплакаться в голос.

Фарамор набил полную сумку припасов; в мешок положил одежду и кухонную утварь. Он ходил по дому, все еще не веря, что покидает его навсегда. Сознание не желало это воспринимать.

Один из законников нетерпеливо ходил за ним и смотрел, как бы тот не умыкнул какую-нибудь ценную вещичку. Второй – с безразличным видом сидел в кресле и курил трубку.

Фарамор не знал, что еще взять. Его мысли путались. Он брал предметы, крутил их в руках и клал обратно. Смотрел на увешанные полинялыми гобеленами стены, прикасался к мебели. Он неосознанно тянул время, пытаясь впитать в себя частицу души родного дома; то, что нельзя забрать с собой, но можно сохранить в воспоминаниях. Фарамор чувствовал жгучую тоску, боль из-за несправедливости происходящего. Он не был готов к таким испытаниям. Нет, к такому нельзя быть готовым. Что теперь станет с ним и Невеей?

К горлу подкатил комок. Мышцы на лице дрогнули.

– Давай, поторапливайся! – резко сказал законник.

Фарамор глубоко вздохнул, втягивая в легкие запахи пепла из очага, меда, старого дерева и пыльных половиц. Запахи родного дома.

На улице было тепло, но Фарамор и Невея надели зеленые осенние плащи. Выйдя за порог, юноша повернулся и низко поклонился. Девочка, не раздумывая, последовала его примеру. Фарамор только сейчас понял, что с тех пор, как Невея услышала слова законника: «Твой папаша сегодня лишится головы, малышка», она не произнесла ни слова.

Фарамор взвалил на плечо связанные вместе суму и мешок, взял сестру за руку.

– Сейчас нам надо найти Гейдера.

Невея никак не отреагировала на его слова. В глазах девочки появилась странная пустота, словно ее сознание отстранилось от окружающего мира.

Как найти дом Гейдера подсказал нищий старик, который просил милостыню на углу улицы.

– Зачем вам, детишки, понадобился этот выродок? – прокряхтел он.

– Гейдер теперь новый палач, – ответил Фарамор. – И нам... – юноша покосился на сестру и решил не объяснять причину поиска. – Спасибо, нам пора.

Старик поморщился и покачал головой.

– О, Хозяин Пустоты, – вздохнул он. – Куда катится мир?.. Куда катится...

Открыв дверь, Гейдер несколько секунд разглядывал юношу и девочку маленькими поросчыми глазками, затем ухмыльнулся:

– А, я знаю, кто вы. Дети старины Легиса Тоула. Догадываюсь, зачем вы пришли.

От Гейдера воняло потом. Красное одутловатое лицо напоминало морду борова. Губы щерились в убогом подобии улыбки, обнажая гнилые зубы. Некогда белую рубаху покрывали серые жирные разводы.

– Мы пришли просить о милосердии, – чувствуя отвращение, проговорил Фарамор.

Он расстегнул верхнюю пуговицу плаща, запустил руку за пазуху и сорвал с шеи серебряный медальон – единственную ценность, упущенную из вида бдительным законником. Юноша протянул медальон и произнес слова, которые множество раз говорили его отцу:

– Прошу вас лучше наточить топор и сделать все быстро.

Гейдер принял медальон, повертел в руках и пожал плечами.

– Конечно. Мне же не трудно, – согласился он. – Ваш отец даже ничего не почувствует. Р... раз, – с его губ слетела слюна, – и он уже в чертогах Трех Богов. Сделаю, как надо.

Глава 3

Фарамор оставил Невею и вещи рядом с городскими воротами. Здесь находились пост законников и казарма, так что девочке ничего не угрожало. Вид у Невеи был отрешенный, но на наказ брата никуда не уходит она понимающе кивнула.

Ему меньше всего на свете хотелось идти на казнь, но он чувствовал, что должен, обязан быть на площади, словно его присутствие поддержит отца в последние минуты жизни.

Фарамор шел по улице, надвинув капюшон на голову и опустив голову. Он не хотел, чтобы его кто-нибудь узнал, но ему все равно казалось, что идущие рядом с ним на площадь люди смотрят только на него. Он чувствовал страх и обреченность, будто бы сам скоро должен лишиться жизни.

Народу на площади собралось больше, чем на коронации государя. Еще бы, глашатаи все утро ходили по улицам города, объявляя, что сегодня состоится казнь бывшего палача. Люди не могли отказать себе в удовольствии увидеть, как отрубят голову тому, кто сам многие годы заносил топор или меч над головами других. Это целое событие, которое еще долго будет обсуждаться в городе.

Фарамор не стал пробираться сквозь толпу. Он поднялся на мраморную лестницу храма Трех Богов на краю площади. Отсюда хорошо был виден эшафот.

Сжимая древко огромного топора, возле плахи расхаживал новоявленный палач Гейдер. На нем был черный плащ с откиннутым за спину остроконечным капюшоном. Волосы прямыми светлыми патлами обрамляли пухлое лицо. Он крутил головой, разглядывая шумевшую внизу толпу, и походил на стервятника, выискивающего, чем бы поживиться.

Государь Таракот со своей свитой уже находился на балконе ратуши. С такого расстояния Фарамор не видел выражение его лица, но ему казалось, что тот улыбался. Драгоценные камни в высокой короне Таракота мерцали в лучах полуденного солнца. Приближенные государя стояли неподвижно и в своих белых парадных мундирах выглядели, как мраморные статуи.

По толпе прокатился шум, словно порыв ветра ворвался в чащу лиственного леса. Сердце Фарамора бешено заколотилось, расценив всеобщее волнение правильно: к эшафоту вели Легиса Тоула. Неожиданно захотелось сбегать по лестнице и помчаться прочь от площади – не оборачиваясь и не думая, что там сейчас произойдет. Это же глупо стоять и добровольно смотреть на казнь собственного отца. Зачем истязать себя таким зрелищем? Мало ли страданий еще суждено испытать, когда они с сестрой покинут город на произвол судьбы? К чему все это, ведь отцу не станет легче от его присутствия?

Фарамор тряхнул головой, изгоняя из сознания непозволительные мысли. Он глубоко вдохнул и выдохнул, издав сквозь стиснутые зубы протяжный стон. Ему стало стыдно за проявленную слабость. Сжав кулаки и, не отводя взгляда, он смотрел, как на эшафот в сопровождении законников поднимается отец. В белой длинной рубахе фигура Легиса Тоула четко выделялась в общей темной людской массе.

Из толпы сквозь неровный гул до Фарамора доносились разноголосые выкрики:

– ...Поделом!.. Теперь он узнает, какво это... Хозяин Пустоты заждался его!.. Жаль, что у него одна голова!.. Мерзкий убийца!..

Эти, выкрики вызвали у Фарамора душевную боль. Он морщился, вздрагивал, но не отрывал глаз от эшафота.

Легис Тоул изо всех сил старался унять дрожь. Он не хотел в последние минуты жизни выглядеть, как сломленное тяжелым роком, ничтожество. Бывший палач и сам не знал, почему для него это так важно. Он ведь не аристократ, чтобы защищать честь своей голубой крови. Его никто не осудит за слабость. Как бы то ни было, но Легис Тоул держался, и сейчас его

самообладанию могли бы позавидовать многие лишившиеся жизни от его руки аристократы. Возможно, так он хотел хотя бы в последние минуты жизни внушить людям уважение к себе.

Легис боялся, но это не был тот обволакивающий все естество ужас, какой он ожидал. Сейчас больше волновало, что станет с Фарамором и Невеей, а не собственная смерть. А еще бывший палач надеялся на милость богов. Простят ли они ему грехи? Заберут ли в свои небесные чертоги, где его будет ждать жена и предки? Ему ничего не оставалось, как верить в это.

Слова глашатая в голове Легиса сливались в монотонный гул. Он даже не заметил, как тот закончил зачитывать текст из свитка. Сильные руки законников подхватили под локти и повели к плахе.

«Вот и все! Вот и все! – в такт биению сердца вспыхивало в сознании. – Вот и все!»

Легис поставили на колени. Он почувствовал, как внизу живота зарождается холод. Его ледяные волны поползли вверх, обжигая каждую частицу тела. Разум был ясным как никогда. Мозг не желал проявлять милосердие и погружаться в безумное безразличие. От понимания, что это последние мгновения жизни, перехватило дыхание.

Бывший палач закрыл глаза и медленно склонил голову на плаху. Он слышал скрип дощатого настила от приближающихся шагов Гейдера, слышал дыхание толпы. В висках набатом стучала кровь. Внутри все сжалось в тугой комок, хотелось вскочить и кричать, моля о пощаде, но еще оставались остатки воли, чтобы держаться. Последние капли воли, исчезающие с каждым мигом. В темноте сознания мелькали образы из прошлого – лица родителей, улыбка жены, Фарамор, Невея...

Гейдер закричал, заноса топор.

– Я люблю вас! – беззвучно прошептали губы Легиса. – Я...

Фарамор видел, как лезвие топора вонзилось в спину отца. Он буквально услышал звук разрываемой плоти и хруст костей. Глаза округлились от ужаса.

Толпа взревела, словно обезумев, глядя, как Легис выгнулся дугой от невыносимой боли.

Гейдер выдернул топор и, покрутив оружие в руках, медленно занес для нового удара. Дрожащее от возбуждения лицо нового палача кривилось в безумной гримасе. Второй удар пришелся точно по шее, оборвав страдания Легиса.

Фарамор больше не мог смотреть и зажмурил глаза, затем попятился на вмиг ослабевших ногах и уперся в закрытые ворота храма. К горлу подступила тошнота. Он резко согнулся, словно получив удар в живот, и его вырвало. В голове стоял гул, буквально разрывавший череп изнутри. Фарамор вытер рукавом сползающую с губ слюну, выпрямился и открыл слезящиеся глаза.

– Будьте вы все прокляты! – прошептал он. Голос походил на шипение змеи. – Будьте вы все прокляты!

Ногти в крепко сжатых кулаках до крови вонзались в кожу, но Фарамор не чувствовал боли.

Он слышал, как за спиной продолжала шуметь толпа. Перед глазами стоял жуткий образ выгнувшегося в мучениях отца, в спине которого глубоко засело лезвие топора. Душу раздирала злость. Гнев на жирную тварь по имени Гейдер, на Таракота и его свиту, на весь этот проклятый город. Никогда еще Фарамор не испытывал столь острых чувств. Злость подбиралась к черте, за которой начиналась ярость.

Фарамор остановился, вытер рукавом выступивший на лбу холодный пот и оглянулся. По улице с площади шли люди. Некоторые из них, отчаянно жестикулируя, обсуждали только что увиденную казнь. В их лицах было восхищение с примесью страха. А кто-то смеялся, будто стал свидетелем забавного представления.

У Фарамора перехватило дыхание от презрения к этим людям – жгучее, всепоглощающее. Он желал им смерти, хотел смотреть, как каждый из них будет корчиться в агонии. По спине пробежала дрожь. Перед глазами заплясали темные пятна. Он чувствовал, как сознание ломалась преграда оберегающая душу от чего-то холодного, липкого. «Что со мной?!» – мысленно закричал Фарамор. Ледяные щупальца цеплялись за разум, пытаясь полностью подчинить его себе. «Это всего лишь мой гнев! Мой гнев!» Еле перставляя ноги он подошел к водопойной колоде и плеснул в лицо водой. Потом зажмурился, и какое-то время так стоял, слушая, как колотится сердце: тук-тук, тук-тук, тук-тук... Он открыл глаза, посмотрел на свое отражение в воде и увидел лицо старика с серыми ключьями волос на голове. Фарамор тяжело задышал, отпрянул от колоды, из груди едва не вырвался крик.

– Эй, парень, с тобой все в порядке? – встревожено спросил женский голос.

Фарамор оглянулся. Рядом стояла тучная старушка в белом чепце.

Да, все хорошо, – соврал он дрожащим голосом.

Страушка вздохнула и пошла прочь, бормоча себе под нос:

– Вижу как хорошо, вон побледнел весь. На казни видимо побывал. От такого зрелища кому угодно плохо станет...

Фарамор взял себя в руки и снова поглядел на свое отражение в водопойной колоде. Все было в порядке, никакого старика. Помутнение в голове исчезло. Какое-то время он еще стоял, обдумывая то, что произошло, а потом вытер ладонью выступившую на лбу испарину и направился к городским воротам.

Девочка сидела на мешке с вещами и прижимала к груди Хитреца Хета. Она задумчиво перебирала пальцами его рыжие, сшитые из тряпичных лоскутков волосы. Невея представляла, что плывет по тихой, окутанной туманом реке. Она сидела в лодке, а медленное течение тянуло ее сквозь клубящуюся белесую мглу. Невея была рада, что не видит берегов, ведь на них находилось нечто страшное. Она это знала. Спокойствие только здесь, на середине реки. Туман скрывал все, что не хотелось видеть. Ей нравилось плыть и плыть и ни о чем не думать...

– Невея.

...Лодка наткнулась на подводную корягу...

– Невея!

Девочка встрепенулась и посмотрела на брата.

– Вставай, нам пора уходить.

Фарамор взял ее за руку и помог подняться, потом взвалил мешок и суму на плечо. Затемненное капюшоном лицо брата было озлобленным и это напугало Невею, но она не стала задавать вопросы. Ей не хотелось знать.

«На берегу находится нечто страшное!»

Она понимала, куда ходил брат, оставив ее здесь, вот только едва сознание начинало погружаться в эти мысли, перед глазами снова появлялась затянутая туманом река.

Фарамор и Невея вышли из городских ворот и прошли по широкому откидному мосту через наполненный вонючей водой ров. Впереди лежала пыльная уходящая вдаль дорога. Вокруг были разбросаны фермы, вспаханные поля, загоны, вдалеке медленно вращались холщовые крылья мельницы, в чистом небе летали два ястреба, выискивая добычу.

Злость в Фараморе притихла, сменившись полным отчаянием. Он не знал куда идти. У них не было родных, к которым можно податься. Впереди ждала пугающая неизвестность. Юноша глубоко вздохнул, откинул с головы капюшон и, держа за руку сестренку, ступил в мягкую пыль дороги.

Глава 4

До леса они добрались к вечеру. Красные закатные лучи солнца пробивались сквозь хитросплетение ветвей. Они отбрасывали на вспоротую корнями землю и кряжистые стволы причудливые янтарные тени.

Вдалеке слышался стук топоров лесорубов. Скоро они закончат работу и отправятся в лагерь на ночевку. Фарамор не решился попроситься на ночлег к их кострам, ведь кто-то из них мог узнать в них детей бывшего палача, а это опасно.

Они расположились на опушке, недалеко от дороги. Фарамор собрал хворост и разжег костер. Ужинали, когда лес полностью погрузился в темноту. Языки пламени лизали дрова, потрескивали угли. Невдалеке размеренно ухал филин. Невея, закутавшись в плащ, сидела на куче хвороста. Ее ладони обнимали глиняную кружку с заваренным травяным сбором, из которой поднимался ароматный пар. На коленях девочки лежал Хитрец Хет. Черные пуговичные глаза куклы отражали свет костра и казались живыми, вышитая красной нитью широкая улыбка, будто бы подбадривала, говорила, что не надо отчаиваться.

Сейчас Фарамор был согласен с улыбкой Хитреца Хета – унывать не стоит. Ради Невеи он постарается избавиться от отчаяния, но только не от злости. О, нет, это чувство он сохранит, и будет лелеять. Забыть про ненависть к людям из столицы, значит предать память отца.

Фарамор поднялся с ложа из веток и вышел на опушку. Отсюда отчетливо был виден город. Он выделялся в темноте мерцающими огоньками окон на башнях, блуждающими яркими точками факелов в руках стражников на стенах. Город окутывало покрывало звездного неба. Великий Алтарвир, столица Исходных земель, которую еще вчера Фарамор любил, а сейчас ненавидел.

Он не заметил, как к нему подошла Невея. Постояв рядом с братом, девочка взяла его за руку. Она тоже смотрела на огни города и в ее глазах стояла тоска.

– Ты так и будешь молчать? – спросил Фарамор.

– Нет, – еле слышно произнесла Невея и после большой паузы спросила: – Мы больше сюда не вернемся, верно? – ее голос был спокоен.

Фарамор пожал плечами. Что он мог ответить? Невея не видела в темноте этого жеста брата, но почувствовала, как напряглась его рука. Ей представилась лодка изменившая направление в сторону берега, ветер всколыхнул туманную дымку. Невея почувствовала страх, но ненадолго. Течение подхватило лодку, и та снова поплыла по безопасной середине реки, а глаза девочки, секунду назад смотревшие будто бы в никуда, снова стали осмысленными.

На одной из ферм тоскливо завывала собака. Фарамору не понравился этот звук. Он был словно апофеоз сегодняшнего дня, как неутешительный итог.

– Куда мы завтра пойдем, Фар? – спросила Невея.

– Я не знаю, – честно ответил он. – Но, мы ведь что-нибудь придумаем, правда? Будь уверена, мы не пропадем, – Фарамор старался, чтобы голос звучал бодро и сейчас он сам верил в свои слова.

Природа словно решила поддержать изгнанников и подарила теплую безветренную ночь. Невея, закутавшись в плащ и одеяло, уснула быстро. Ее голова покоилась на мягкой кукле. Фарамор же долго сидел возле костра, время от времени подкармливая огонь ветками. Он не в первый раз проводил ночь в лесу. До смерти матери они с отцом часто ходили на охоту. Конечно, лес не был для него чем-то привычным, но он его не пугал.

Рядом с Фарамором лежал нож с красивой костяной рукояткой. Отец купил его у торговца с севера и подарил сыну на пятнадцатилетие. На лезвии оружия были вытравлена руническая вязь – как уверял торговец, это заклятие от затупления лезвия. У северян ложь являлась

страшным грехом, и не верить в слова торговца оснований не было, и, как выяснилось, нож действительно не тупился. Фарамор не думал, что здесь, возле самой кромки леса, стоит опасаться диких зверей, но с оружием под рукой было спокойнее. Около полуночи он свернулся калачиком на куче хвороста, закутался в плащ и закрыл глаза.

Ему приснилась казнь, но сознание, словно решив увеличить ужас кошмара, прибавила новые подробности. Гейдер, на жирном лице которого уродливо морщилось рыло хряка, а между губ пробивались клыки, бил топором по спине отца. Он выдергивал оружие из раны, и с изогнутого лезвия веером разлеталась кровь. Гейдер хрюкал от удовольствия – в его черных маслянистых глазах вспыхивали искры безумия, – и снова бил отца по спине. Лицо палача начало меняться. Оно худело, обретая резкие сухие черты. Багровая кожа становилась болезненно желтой. Светлые волосы вздыбились вверх, превращаясь в высокую, сверкающую камнями корону. Теперь это был Таракот. Государь кривил тонкие губы в страшном подобии улыбки, продолжая заносить и опускать топор на спину отца – в сплошное кровавое месиво из которого торчали обломки костей. Вокруг из кромешной тьмы за этим действием наблюдали тысячи глаз. В них горело восхищение. Рты скалились в зверином оскале.

Веки Фарамора вздрагивали, лицо морщилось во сне, на лбу выступил холодный пот. Юноша несколько раз судорожно вздохнул, словно ему не хватало воздуха, и скоро признаки тревоги на лице сгладились. Кошмар прекратился.

– Мы не станем оставаться рядом с Алтарвиром, – утром за завтраком заявил Фарамор. Он решил не уточнять, что им, детям бывшего палача, это небезопасно, но ему показалось: Невея знает причины, потому и не спрашивает. Он отметил, что в глазах сестренки исчезла та пугающая пустота, которая была вчера. Осталась лишь естественная в их положении тоска, но в целом, девочка держалась хорошо, учитывая то, что она лишилась отца и родного дома.

– Мы пойдем по дороге через лес? – спросила Невея.

– Да, к вечеру доберемся до деревни Совиное Око. Попросимся на ночлег. Кто знает, возможно, нам разрешат остаться? А если нет, то пойдем дальше.

Как-то он был вместе с отцом в этой окруженной лесом деревушке. Обычное селение зверобоев, где, как он помнил, жили приветливые люди. Впрочем, за последние два дня он убедился, что люди не всегда такие, какими кажутся. Фарамор вспомнил ликующую толпу на вчерашней казни и глаза из сна с восхищением взирающие из темноты. В сознании снова начал зарождаться гнев, в висках заколотилась кровь. Усилием воли Фарамор заставил себя успокоиться, но далось это нелегко.

Они шли по лесному извилистому тракту. Вокруг росли могучие дубы, ясени и клены, окруженные молодой порослью и кустарником. Несильный ветер шелестел листьями. Летали бабочки и стрекозы. Среди ветвей пели птицы, по небу плыли пушистые облака. Фарамор поймал себя на мысли, что ему здесь нравится. Лес подавлял тревожные мысли о будущем. Да и Невея выглядела лучше: печаль в ее глазах все чаще сменялась восхищением при виде особо красивого придорожного цветка или необычайно ветвистого дерева. При других обстоятельствах, решил Фарамор, она бы прыгала от восторга, оказавшись здесь.

К вечеру дошли до моста через ручей, за которым тракт уходил вправо, а от него ответвлялась проселочная дорога. На тронутом гнилью указателе были вырезаны слова «Совиное Око».

Они свернули на просеку. Фарамор обратил внимание, что дорога заросла травой. Колея, оставленная колесами телег, покрылась мхом. Создавалось впечатление, что здесь давно никто не проходил и не проезжал. Он почувствовал легкую тревогу. Не могут же жители деревни так редко пользоваться этим путем, что он зарос травой?

Скоро они увидели прибитую к стволу дуба широкую доску, на которой корявыми буквами неизвестный умелец вырезал слова: «Сэдра здесь. Восславим!». Невея вслух прочла надпись, удивленно подняла брови и спросила:

– Фар, а кто такая Сэдра?

Он почесал затылок.

– Я не знаю. Но мы придем в деревню и все выясним.

Они отправились дальше. Лес медленно погружался в сумерки. В шелест листьев вплелся гул многочисленной мошкеры, витавшей в воздухе подобно пеплу. У Фарамора не выходила из головы эта надпись «Сэдра здесь. Восславим!». Она почему-то пугала. И кому вообще могла прийти в голову мысль приколотить доску с такой странной надписью посреди тропы?

Лес расступился, и они вышли на опушку. Далее, за заросшими бурьяном огородами стояли темные бревенчатые дома. Деревня выглядела безлюдной. Покосившиеся изгороди обвивали плущ, подворья заросли бурьяном. В сгущающихся сумерках неухоженные строения походили на гнилые пни с черными дуплами окон и распахнутыми веками ставен.

– Фар, мне здесь не нравится, – тихо сообщила Невея и поежилась.

– Мне тоже, – сказал Фарамор. – Похоже, люди отсюда ушли. Но не страшно, мы найдем какой-нибудь дом почище и переночуем.

На самом деле ему было не по себе. От деревни словно веяло холодом.

«Почему люди покинули ее? – думал он. – А может, здесь был мор и все жители Совинога Ока мертвы?»

Фарамора пробрала дрожь от этой мысли. Впрочем, он решил, что если здесь и был мор, то от него не осталось и следа, а значит, ему и Невее нечего опасаться.

Они направились в деревню. При въезде в поселение между двух высоких столбов висела длинная доска. Вырезанная надпись на ней гласила: «Обитель. Сэдра здесь. Восславим!» Возле одного из домов лежал скелет коровы. Из глазниц рогатого черепа пророс чертополох. Невея покосилась на белые кости и прижалась к брату.

– Все хорошо, – сказал Фарамор. – Не бойся.

Они прошли мимо кузницы. Под широким навесом стояла ржавая наковальня, на стене висели молоты, щипцы и прочие приспособления для ковки. В следующем подворье на земле лежала куча прогнивших шкур, а возле сарая стояли почерневшие от времени бочки.

– Давай посмотрим, что вон в том доме, – почему-то шепотом сказала Невея и указала на неплохо сохранившееся строение, окна которого закрывали резные ставни.

– Хорошо, – согласился Фарамор.

На небе начали появляться пока еще бледные звезды, но было достаточно светло, чтобы видеть все, что находится вокруг. Брат и сестра поднялись на крыльцо. Открыв дверь, сразу же почувствовали неприятный запах. Фарамор, обучавшийся алхимическому ремеслу, понял, что это запах серы.

– Постой здесь, – сказал он Невее, потом снял с плеча вещевой мешок и положил его на крыльцо возле двери так, чтобы она не закрывалась. Сделав несколько шагов в полумрак дома, Фарамор почувствовал хруст под ногами. Он присел и увидел на полу разбитую склянку и рассыпанный порошок. Сера. Обычно ее покупают целители, для изготовления мазей. Он выпрямился и увидел блеснувшие ряды склянок на стеллажах. В углу стоял алхимический стол с ретортами и большим перегонным кубом, совсем как в лаборатории старого учителя Шабатара.

Он подошел к стеллажам, взял несколько склянок и вышел на крыльцо.

– Ты что-то нашел? – поинтересовалась Невея.

– Это дом местного алхимика, – сказал Фарамор. – В этих склянках может оказаться что-нибудь ценное. Сейчас посмотрим.

Он сел на ступеньки и начал рассматривать содержимое прозрачных бутылочек. Невея присела рядом на корточки, в ее глазах горело любопытство.

– Здесь угольный порошок, – уверенно определил юноша нечто черное в одной из склянок. – Ничего полезного, – он отставил бутылочку на ступеньку.

В другой – оказалась прозрачная жидкость. Фарамор вынул пробку и осторожно понюхал.

– Ага, жгучая роса, – определил он. – Это кислота. Ее вполне можно продать какому-нибудь кузнецу или ювелиру. Положи в мешок, – Фарамор закупорил склянку и отдал Невее. Потом рассмотрел оставшиеся бутылочки и не обнаружил больше ничего полезного. Он поднялся, взглянул на дверной проем и решил, что лучше прийти в этот дом утром. Сейчас же им надо найти место для ночлега.

– Скоро совсем стемнеет. Пойдем в другой дом. Здесь воняет серой.

Они сошли с крыльца и встали как вкопанные: по улице, опираясь на кривую клюку, к ним шел старик.

– Похоже, гости пожаловали! – подойдя ближе, громко и приветливо сказал он. – Давненько, давненько...

Его голова была лысой, если не считать седых пучков волос на висках, тянувшихся к затылку. Впалые щеки покрывала щетина, переходящая в жидкую бороденку. Из-под кустистых бровей смотрели прищуренные выцветшие глаза. На тощей согбенной фигуре – длинная мешковатая рубаха перепоясанная веревкой.

– Мы не знали, что в Совином Оке нет людей, – сказал Фарамор. – Хотели здесь переночевать.

Старик внимательно рассмотрел юношу, затем девочку, после чего произнес:

– Вот у меня и переночуете. Все дома уже год как заброшены. Я один здесь остался. Давненько, давненько сюда не заходили путники. Люди, знаете ли, сторонятся этого места.

– Сторонятся? Почему? – Фарамор удивленно приподнял брови.

– Боятся, – спокойно ответил старик. – Но вам опасаться нечего. Впрочем, пойдете ко мне, и я все расскажу.

По пути в свое жилище старик сказал, что зовут его Найрад. Держался он бодро и при ходьбе почти не пользовался клюкой, лишь изредка опуская ее в дорожную пыль. Невея поглядывала на старика с опаской, но Фарамор знал, что сестра так смотрит на многих незнакомых людей.

Они прошли половину деревни, и вдруг юноша увидел посреди улицы большую дыру в земле. Черный провал занимал всю ширину дороги и немного заходил на чье-то подворье, где над дырой нависал покосившийся сарай и часть обвалившегося забора. Дыра не походила на рукотворную. Создавалось впечатление, что огромная часть дороги просто рухнула вниз, в подземные пустоты. Из провала доносился гул, словно там внизу, по неведомым тоннелям гулял ветер.

– Что это? – озадаченно спросил Фарамор.

– Вход в подземную пещеру, – ответил Найрад. – О, под нашей деревушкой оказалось много чего интересного, о чем никто даже не догадывался! – последние слова он произнес с благоговением, – Я все вам расскажу, все.

Фарамор осторожно подошел к краю дыры и заглянул вниз. На него пахло сырой прохладой. На стенках тоннеля были деревянные планки образующие подобие лестницы. Они уходили вниз, теряясь в непроглядной темноте.

Невея не решилась подойти близко к провалу. Она крепко прижимала к груди Хитреца Хета, словно тот мог вырваться из рук и прыгнуть в дыру. В глазах девочки горели искорки страха. Ей очень не нравилась эта странная дыра посреди деревни.

– Фар, осторожно, не упади! – с тревогой сказала она.

Фарамор кивнул, отошел от провала и ободряюще улыбнулся сестренке, но в его лице читалась растерянность. У него в уме не укладывалось, что в земле могла образоваться такая большая и ровная дыра.

– Пойдемте, – поторопил их Найрад. – Мы уже почти пришли, – он указал клюкой на дом, совсем рядом с провалом.

Глава 5

Небо, с мерцающими вкраплениями звезд, обрело густой фиолетовый оттенок. Лес вокруг деревни выглядел, как сплошная черная стена. Фарамор подумал, что боги не до конца отвернулись от него и Невеи, ведь в эту ночь у них будет крыша над головой. Ему было не по себе от этой безлюдной деревушки, от странной дыры посреди дороги, но страха он не испытывал.

Найрад подкинул в тлеющий углями очаг горсть щепок. Скоро пламя разыгралось и осветило внутреннее убранство дома. На стене висели шкуры, возле окна стояли грубо сколоченный стол и две лавки, над очагом – полка с котлами и сковородами. Фарамор обратил внимание на пустую, затянутую паутиной полку в углу. Она, без сомнения, предназначалась для образов богов, как в любом, виденном им жилище. Почему же здесь полка пустовала? Фарамора это удивило, но он решил не расспрашивать об этом старика, считая отношение человека с богами делом личным. Тем более, у него были вопросы и поважнее.

Старик помешал большим черпаком содержимое котла, висящего в очаге, и произнес:

– Зверобой из меня уже не тот, что прежде. Руки давно отвыкли от лука, но силки и ловушки расставлять я еще горазд! Тем и живу, – красные отблески огня играли на его морщинистом лице. – Не далее, как вчера, зайца изловил, жирного. Хорошая похлебка получилась из зверушки, наваристая. Сейчас попробуете. Я добавил в нее дикого лука, грибов, горсть сушеных березовых почек...

Спустя несколько минут Фарамор и Невея уже с аппетитом поедали угощение, а Найрад, прикурив длинную глиняную трубку, начал рассказывать, что случилось в деревне Совиное Око:

– Прошлой осенью, сразу после праздника равноденствия, к нам в деревню пришел путник. Его звали Шадр Ла, и он был кудесник с востока. Молодой, не старше тридцати, но волосы его были седые, как моя борода. Мы, жители Совинога Ока, никогда не отказывали путникам в ночлеге, не отказали и Шадру Ла. Вечером в таверне кудесник рассказал много интересных историй и показал несколько магических трюков. Представляете, он смог одним взглядом зажечь свечу! – Найрад затянулся трубкой, выпустил струйку дыма и улыбнулся. – А еще поймал таракана, что-то шепнул ему, и тот побежал и прыгнул в полыхающий очаг! Видели вы когда-нибудь такое?!

Фарамор и Невея дружно помотали головами, продолжая черпать ложками похлебку.

– Шадра приютил наш алхимик Вокс, – продолжил Найрад. – Они быстро нашли общий язык, обсуждая всякие формулы и порошки. На следующий день кудесник принялся ходить вокруг Совинога Ока. Он вел себя странно: иногда вставал на колени и припадал ухом к земле, словно пытаясь что-то услышать. К вечеру Шадр то же самое делал уже в самой деревне. На все вопросы отвечал: «Она здесь! Я чувствую ее. Мои поиски закончились. Одна из трех под этой землей!» Мы думали, что парень не в себе. Да, так мы тогда считали. Ближе к ночи Шадр подошел к тому месту, где сейчас дыра в земле и сказал: «Это здесь!» Он сел прямо на дорогу, закрыл глаза и начал произносить непонятные слова. Кто-то насмехался над ним, некоторые – и я в том числе, – звали его в таверну. Но Шадр не обращал ни на кого внимание. Мы так и оставили кудесника сидеть на дороге и бормотать. А ночью случилось вот что: раздался грохот, земля затряслась – у меня в доме вся посуда с полок попадала! Все выбежали на улицу, не зная, что происходит, а потом обнаружили дыру посреди дороги, вокруг которой расхаживал довольный кудесник. Надо ли говорить, что эта дыра никому не понравилась. Кое-кто даже предложил бросить в нее Шадра, ведь никто не сомневался: это он своими заклинаниями сотворил дыру. Не сбросили.

Найрад надолго замолчал, задумчиво глядя на пылающий очаг.

– Ну, и что же случилось потом? – нетерпеливо спросил Фарамор.

– Да, что было дальше? – поддержала Невея.

– Ага, дальше, – вышел из раздумий старик. – Когда рассвело, Шадр по веревке спустился в дыру. Долго его не было. Все уж подумали, что он сгинул, ан нет... вылез к полудню и вот что скажу: счастливее человека я в жизни не видывал. Он прямо таки сиял! Шадр показал нам диамант размером с мой ноготь, но не камешек так радовал его... нет-нет, ведь кудесник сразу же отдал диамант какому-то мальчишке. Он сказал, что там внизу, в подземных чертогах находится Одна из трех – Сэдра! Ее взгляд дарит счастье, а дыхание исцеляет от любых болезней. Да, это было интересно, но всех больше интересовало другое: есть ли внизу еще драгоценные камешки? Шадр уверял, что их там полно. Ну, люди и полезли. Даже такие древние развалины, как я карабкались вниз по веревкам. Кое-кто срывался и падал. Я решил не испытывать судьбу, куда уж мне? Скоро люди начали вылезать, и их прямо таки раздирало от радости. Они не могли передать словами то, что видели. А главное, все забыли про камушки! Там внизу было что-то лучше диамантов. Женщины, дети, старики – вся деревня побывала внизу. Они восхваляли Сэдру и молились ей. Все чаще жители Совинога Ока начали забираться в дыру, пока не забросили свои дома и не поселились под землей.

Фарамор посмотрел в глаза старика, пытаясь понять, не сочинил ли Найрад эту историю? Уж слишком она походила на бред сумасшедшего.

– А жители Совинога Ока? Они так и живут внизу?

– Отчего же? – усмехнулся Найрад. – Выходят по ночам. Да, выходят.

Фарамор встревожено посмотрел на дверь и почувствовал, как Невея к нему прижалась.

– А Сэдра, кто она такая? – шепотом спросил он.

То, что произошло потом, заставило его вскочить с лавки и прижать к себе перепуганную сестренку...

Ему ответил хриплый женский голос снаружи дома – резкий и мощный, похожий на треск льдин во время ледохода:

– Почему бы, мальчик, тебе не выйти и не спросить у меня самой?

Найрад захихикал, указывая трубкой на дверь.

– Да, тебе, мальчик, стоит выйти и спросить, – теперь в его голосе сквозило безумие. – Сэдра здесь! Сэдра здесь! Восславим Одну из трех! Воссла-а-авим! – заскулил он. Огонь в очаге затрещал, пламя стало ядовито-зеленым.

– Не бойся, сын палача, я не причиню тебе вреда, – голос снаружи уже больше походил на человеческий. В нем были вкрадчивые интонации. – Я не хочу входить в дом, чтобы не напугать твою маленькую сестренку. Давай же, мальчик, будь смелым!

– Сделай, как она говорит, – прокряхтел Найрад. – Выйди и поговори с ней. Воссла-авим! Воссла-авим! – его рот с гнилыми зубами открывался, как у лишенной воды рыбы. – Воссла-авим, Сэдру!

Фарамор с презрением посмотрел на старика. Ему хотелось схватить стоящий на столе котел и запустить им в Найрада, но сдержался.

– Выйди, выйди, мальчик. Я не обижу тебя, – голос за дверью теперь напоминал шум ветра. Фарамору начало казаться, что он звучит в голове. Он отстранил Невею и взглянул ей в глаза.

– Ты останешься здесь, а я пойду наружу.

– Фар, нет! – Невея вцепилась ему в руку. – Не выходи! Не делай этого!

– Не знаю, как объяснить, но я почему-то уверен: то, что находится снаружи, говорит правду. Мне ничего не угрожает, – Фарамор не понимал, откуда у него взялась эта уверенность, но он на самом деле не чувствовал опасности. Ему не было страшно. – Все будет хорошо. Я вернусь.

Невея отпустила его руку и обессилено села на лавку. Ее глаза были полны отчаяния. А Фарамор пошел к двери.

От того, что он увидел, когда вышел из дома, перехватило дыхание: над землей парила женщина. От обнаженного тела исходил бледный свет, глаза горели, как угли. Ветра не было, но ее белые волосы медленно развевались в разные стороны, словно плыли по течению. Даже в темноте ночи было видно, что за спиной женщины находилось что-то густое, черное и бесформенное. От этого сгустка тьмы тянулись похожие на корни отростки, которые стелились по земле и исчезали в круглом провале.

Фарамор зачарованно смотрел на женщину. Странно, но он чувствовал восхищение.

– Не так уж и страшно, правда? – теперь ее голос стал звонким и приятным для слуха. – То, что ты видишь сейчас, мальчик, это не я. Всего лишь одна из женщин говорит за меня. Моя сущность внизу, в каменных покоех. Я узница этого места. За много веков приросла к земле, как дерево корнями. Но теперь... теперь у меня есть глаза, которые могут видеть поднебесный мир. Много глаз, – она сделала руками жест, указывая на пространство вокруг.

Только сейчас Фарамор отвел взгляд от женщины и увидел в темноте одновременно похожих на людей и пауков существ. Их голые тела были бледные, как поганые болотные грибы. Похожие на рыбы белесые глаза слабо светились. Твари сидели на крышах домов, сновали по подворьям, выглядывали из-за заборов. «Это бывшие жители Совинога Ока», – догадался Фарамор.

Одна из тварей выскочила из-за угла дома и схватила длинными жилистыми руками пробегающую крысу. Затем раззявила огромный, усеянный шипами зубов рот и, быстро запихав в него крысу, начала усердно жевать. Фарамор содрогнулся. Он буквально слышал хруст перемалываемых косточек и хлюпанье крови в глотке твари.

– Тебе нравятся мои детки? – спросила Сэдра. – Я даровала им счастье.

– Неужели? – усомнившись, выдавил Фарамор.

– О, поверь мне, сын палача, это так. Нет никого счастливее моих деток. Они любят меня. Считают своей богиней.

– Но ты... ты ведь не богиня?

Женщина изящно развела руками.

– Ну, конечно же, нет. Я – демонесса.

Из-за закрытой двери раздался приглушенный возглас Найрада:

– Воссла-а-авим Сэдру! – нараспев завывал он. – Воссла... – старик поперхнулся и закашлялся.

Фарамор увидел, как бледная тварь размером с ребенка спрыгнула с крыши и начала по-собачьи рыть землю, видимо, пытаясь откопать укрывшуюся в норе мышь.

– А откуда ты знаешь, что я сын палача? – он снова перевел взгляд на Сэдру, чувствуя, что в ее глазах есть что-то притягательное.

– Я видела твой сон прошлой ночью. Чувствовала твою боль. С тех пор, как ты вошел в этот лес, я многое узнала о тебе. Твоя ненависть сладка. О да, это дар, о котором ты даже не подозреваешь. После казни отца в тебе зародилась Темная Искра. Ты ее пока не чувствуешь, но скоро, скоро... Ощущая злость и ненависть, не замечаешь эту Искру. Поверь, она разгорится, и я хочу тебе в этом помочь. Знаю, что ты жаждешь мести. Те, кто причастен к казни твоего отца, заслуживают страшной смерти, не так ли? Мы отомстим вместе. Вместе!

– Зачем тебе это? – нахмурился Фарамор.

– Правильный вопрос, мальчик... очень правильный, – голос Сэдры снова стал похож на шелест листьев. – Все имеет цену. Когда ты станешь достаточно сильным, вызволишь из заточения Нэба, бога, которого вы, люди, забыли. Мир уже готовится к его приходу, мир становится другим, мальчик, совсем другим. Правители сходят с ума, по Исходным землям ходят

чернокнижники и пробуждают то, что вы, люди, называете нечистью. Тебе сейчас кажется это неправильным, но с приходом Нэба грядет очищение этого мира... перерождение!

– Перерождение, – задумчиво повторил Фарамор.

– Да, мальчик, перерождение, обновление.

Где-то вдалеке закричала ночная птица – печально, будто что-то оплакивая. Стайка мотыльков пролетела над головой Сэдры, отражая крыльями звездный свет.

Фарамор долго молчал, обдумывая слова демонессы, а потом спросил:

– Если я откажусь, ты убьешь меня?

– Убью? – женщина подняла лицо к небу и захохотала. Ее смех разлетелся по округе звонким эхом. Она резко перестала хохотать и посмотрела на юношу. – Какая глупость. Конечно, ты можешь отказаться, но это не имеет значения. Ты все равно придешь ко мне, и случится это очень и очень скоро. Не спеши с ответом, тем более что я его хорошо знаю и мне не важно, когда его услышу, сейчас или потом.

Из провала раздался глухой протяжный рев, словно там находился гигантский зверь. Черные корни-отростки, тянувшиеся к сгустку за спиной женщины, всколыхнулись, напряглись...

– До встречи, мальчик! – сказала Сэдра.

...и с огромной скоростью втянули женщину в провал. Осталась лишь сверкавшая под светом звезд туча пыли. Бледные твари начали сбегаться к дыре. Они, словно лягушки, прыгали на стены провала и ползли вниз.

Фарамор глубоко вздохнул, открыл дверь и вошел в дом. К нему тут же подбежала Невея и обняла. Ее лицо блестело от слез. Все время, пока не было брата, сознание девочки боролось с изменившимся течением реки, которое пыталось прибить лодку к страшному берегу. Она уже видела очертания чего-то темного, с красными, как угли, глазами. Но Фарамор вернулся, и лодку снова вынесло на середину реки.

– Что ты видел, Фар? – спросила Невея и тут же пожалела, что задала вопрос, ведь ответа знать не хотелось.

– Ничего страшного, – стараясь, чтобы голос звучал спокойно, ответил Фарамор.

– Он видел Сэдру! – воскликнул Найрад. – Сэдру он видел! Воссла-а-авим...

– Заткнись, старик! – закричал Фарамор. – А не то, клянусь, я забью твою трубку тебе в глотку!

Найрад сжался, злобно посмотрел на юношу и пододвинулся ближе к стене. Фарамор никогда так не кричал на людей, но странно, сейчас этот всплеск ненависти доставил удовольствие.

«...в тебе зародилась Искра...», – словно эхо, прозвучал в сознании голос Сэдры.

Он ощутил радость превосходства над этим дряхлым испуганным человеком.

Найрад отправился спать в соседнюю комнату. Некоторое время доносилось его недвольное ворчание, которое перешло в храп. Невея тоже уснула, свернувшись на лавке возле стола. Веки девочки то и дело вздрагивали, дыхание делалось порывистым – ей грезился тревожный сон.

Фарамор сидел рядом с сестрой и размышлял о том, что сказала демонесса. Искра, Нэб, чернокнижники пробуждающие нечисть – все это казалось настолько нереальным, словно нечто из баллад бардов, известных мастеров сочинять небылицы. Вот только сама Сэдра и жители деревни, которые превратились в странных тварей, были лучшим поводом не сомневаться в чудесах.

Он поймал себя на мысли, что во время разговора с демонессой ему очень хотелось принять предложение, стать частью ее замыслов. В этом было что-то притягательное, таинственное. Почему он не сказал «да»? Возможно дело в сестренке? Ему очень хотелось отомстить за отца, но Невея... так или иначе, она будет втянута в замыслы Одной из трех, а Фарамор этого

не хотел. Сейчас, глядя на спящую сестру, юноша уже не чувствовал в словах Сэдры искушения. Он разобрался в себе и решил, что для него более важно. Выбор оказался прост. Утром они с Невеей уйдут из Совиного Ока и будут уповать на милость судьбы, чтобы их дальнейший путь не был тяжким.

Глава 6

Едва рассвело Найрад, не проронив ни слова, вышел из дома и больше не возвращался. Фарамор и Невея позавтракали и тоже покинули жилище старика.

Утро выдалось серым и прохладным. По небу плыли мрачные тучи. Ветер гонял по дороге пыль и гнул бурьян. Погода была не лучшей для путешествия, но оставаться в Совином Оке Фарамору больше не хотелось.

– А теперь куда мы пойдем? – спросила Невея.

– Снова выйдем на тракт, – ответил Фарамор. – Дальше находится город Аронг, но я не знаю, сколько до него идти. А прежде, давай пройдемся по домам и поищем что-нибудь ценное? Нам теперь все может пригодиться.

– Хорошо, – бесцветным голосом сказала Невея. Она выглядела сонной.

В одном из домов Фарамор обнаружил несколько монет, лежавших прямо на полу перед очагом и покрытых слоем пыли. В лаборатории алхимика нашел склянку с толченым жемчугом, нужным ингредиентом для редких снадобий. Целители платили за него хорошие деньги.

Фарамор зашел в самый большой дом с двускатной крышей на окраине деревни. Внутри, в просторной комнате отсутствовала мебель, но возле стены стояло деревянное, похожее на алтарь, сооружение. Углем на дощатых стенах были начертаны слова: «Сэдра здесь! Восславим! Обитель». А еще нарисовано множество глаз. По углам комнаты стояли высокие железные канделябры. Фарамор решил, что этот дом являлся чем-то вроде храма Сэдры, и жители Совиного Ока справляли здесь обряды, до того, как поселились под землей. Он взял несколько, не слишком обгоревших свечей и положил в мешок. Затем вышел на крыльцо и остановился. Его внимание привлек ползущий по ступеньке жук. Букашка перебирала лапками и шевелила длинными усами; черная блестящая спинка блестела, как начищенная монетка. Неожиданно для самого себя, Фарамор поставил каблук сапога рядом с жуком и медленно опустил подошву. Он скорее не услышал, а почувствовал хруст под ногой.

– Фар, зачем ты убил его?! – воскликнула Невея.

Фарамор встрепенулся.

– Что?

– Зачем ты наступил на жука?!

Он и сам не знал, но думать об этом не хотелось. Фарамор взглянул на возмущенную сестренку и равнодушно произнес:

– Подумаешь, жук. Все, пошли из этой деревушки, нам здесь больше делать нечего, – он шаркнул ногой, размазав по ступеньке то, что осталось от букашки, и спустился с крыльца.

Когда Фарамор и Невея выходили из деревни, услышали позади протяжные возгласы, похожие на стоны:

– Воссла-а-авим Сэдру... Воссла-авим...

Этим печальным звукам вторил шум ветра.

Брат и сестра оглянулись и увидели бредущего по улице Найрада. Через каждые три шага старик останавливался, поднимал лицо к небу и выкрикивал;

– Воссла-авим...

Невея подумала, что никогда еще не видела такого одинокого человека.

Через час они вышли к мосту и двинулись дальше по тракту. Невея давно перестала обижаться из-за жука. Она внушила себе, что Фарамор случайно наступил на букашку.

Один раз мимо проехала карета, запряженная четверкой лошадей. Она оставила после себя клубы пыли. Невея остановилась и зачем-то помахала ей вслед. Фарамор еще раз подумал, что принял верное решение, отказав Сэдре. Сестренка такая маленькая и хрупкая, она никоим

образом не должна быть причастна ко всяким замыслам нечисти. Невея итак испытала боль от потери отца, так зачем ввергать ее в пучину мрачных тайн, которые он и сам не понимал?

К полудню они дошли до еще одной ответвляющейся от тракта дороги. На указателе значилось: «Монастырь Святой Дары». Фарамор слышал от отца об этом месте. Женская обитель, куда мужчинам вход воспрещен.

Они миновали развилку, и пошли дальше по тракту. Вдалеке показалась телега с впряженной тощей кобылой. В телеге сидело двое мужчин.

– Надень капюшон, – сказал Фарамор. Это могли быть люди из Алтавира и он не хотел, чтобы его с сестрой узнали.

Невея удивленно посмотрела на брата, но послушалась и накинула капюшон.

Фарамор не ошибся. Когда телега приблизилась, он узнал одного из мужчин. Им оказался разводчик бойцовых петухов, которого в столице все называли Клюв, за острый, нависающий над губой нос. Лицо второго мужчины тоже показалось знакомым, но разве упомнишь всех жителей огромного города?

Кроны деревьев осветила далекая вспышка молнии. Прогремел тяжелый громовой раскат. Телега почти поравнялась с юношей и девочкой, когда порыв ветра ударил в лицо Фарамора прохладной волной и сорвал с головы капюшон.

– Хей! – Клюв натянул поводья, и лошадь остановилась. – Я знаю этого парня! – громко обратился он к своему спутнику.

Фарамор схватил за руку Невею и прибавил шаг, злясь на ветер и собственную неосторожность.

– А ну, стой! – крикнул Клюв и спрыгнул с телеги. В его голосе слышалась угроза. – Стой, тебе говорю!

– Что ты к ним прицепился? – недовольно спросил второй мужчина. Он был тощий, с красным скуластым лицом и сальными рыжими волосами.

– Ты знаешь, кто этот парень, Слим? Это сын старины Легиса Тоула. Проклятого палача!

– Неужели? – Слим тоже слез с телеги.

Клюв быстро приближался. Фарамор понял, что мужчины не отступят. Он повернулся и, отстранив за спину сестру, выкрикнул:

– Зачем вы преследуете нас?

Клюв подошел и, проигнорировав вопрос, проговорил:

– А, это должно быть твоя сестренка? – он скосил глаза на Невею. – И что же детишки палача делают одни в такой дали от дома?.. Без своего папаши?

Фарамор понял, что мужчины еще не знают о казни отца.

– Ты уверен, что это дети палача? – недоверчиво спросил подошедший Слим.

– Я видел их на ярмарке вместе с Легисом, – ответил Клюв. – А если я хоть раз кого-нибудь увижу, то не забываю. Вот так-то!

Раздался громовой раскат, и кобыла испуганно заржала.

Слим вперил взгляд в Фарамора. В его глазах горели злобные огоньки.

– Не думал, что когда-нибудь мне доведется поквитаться с проклятым палачом, – прошипел он. – Сегодня, воистину, удачный день! Твой папаша, парень, отрубил головы моим братьям! И не надо говорить, что это его работа... нет, нет, я видел, с каким удовольствием он заносил топор над шеями моих братишек!

Фарамор попятился. Капюшон снова сдуло с головы, и теперь волосы трепал ветер. Невея, вцепившись в складки плаща брата, испуганно выглядывала из-за его спины.

– Мы не сделали вам ничего плохого, идите своей дорогой, – как ни странно, голос Фарамора звучал ровно. Рука скользнула под плащ и, вцепившись в рукоять ножа на поясе, напряженно застыла. Юноша почувствовал, как на лицо упали первые капли дождя.

– Прости, парень, – без сожаления в голосе проговорил Слим, – но я последние два года только и мечтал, чтобы поквитаться с вашим папашей. Представляю, как он взвывает, когда его детишек найдут на дороге с перерезанными глотками! – он выдернул из чехла нож с кривым лезвием.

Вспышка молнии отразилась от стали ослепительной искрой. Слим двинулся на Фарамора. Мужчина что-то сказал, но голос заглушил раскат грома.

– Беги, Невея! – закричал Фарамор и тоже выхватил нож.

Девочка, вцепившись руками в Хитреца Хета, начала быстро отходить.

– Куда ты, деточка? – прогнусавил Клюв, не отрывая взгляда от Невеи. – Не надо убегать, не надо...

– Назад! – крикнул Фарамор, переводя нож с одного мужчины на другого. Мешок и сума соскользнули с плеча и с глухим звуком упали на землю.

Клюв начал обходить юношу. Слим презрительно сплюнул, сделал резкий выпад и полоснул ножом по запястью Фарамора. Тот коротко вскрикнул и выронил оружие. Руку пронзила боль. Он никогда не умел драться, о чем сейчас жалел больше всего на свете.

Клюв захихикал, приближаясь к Невее. Девочка словно оцепенела от страха. Она отступала шаг за шагом, глядя то на брата, то на страшного человека с мерзким кривым носом.

«Что делать?! – судорожно думал Фарамор. – Что?..»

Слим перекинул нож в левую руку, а правой с размаху двинул юноше в нос.

– Так, гаденыша! Так!.. – закричал Клюв.

Фарамору показалось, что в лицо плеснули кипятком. В глазах потемнело. Он застонал. Слим схватил его за волосы и с силой швырнул на землю.

Клюв склонился над Невеей и протянул к ней руки. Его тонкие губы дрожали и щерились в кривой улыбке.

– Иди к дяденьке, малышка, – проворковал он.

Фарамор поднял лицо и увидел мешок и суму – совсем рядом. Он быстро пополз к вещам, судорожно вдыхая воздух. В рот попадала еще не пропитавшаяся дождем пыль и стекающая из разбитого носа кровь.

Неожиданно Невея завизжала и вцепилась зубами в пальцы Клюва. Тот взвыл от боли. Глаза выпучились, как у жабы. Резко, наотмашь, он ударил девочку ладонью по лицу.

– Маленькая сучка меня укусила! – заорал Клюв. – Укусила!..

Фарамор подполз к вещам и запустил окровавленную руку в мешок. К юноше, перекидывая нож из руки в руку, приближался Слим.

– Я тебе покажу, как кусаться, сучка! – Клюв, словно пушинку поднял Невею и с яростью швырнул на обочину дороги.

Девочка головой ударилась об камень и, покотившись по траве, застыла. Хитрец Хет выпал из ее рук. В пуговичных глазах куклы отразилась очередная вспышка молнии.

Фарамор выдернул из мешка первую попавшуюся склянку...

«Только бы это была Жгучая роса!» – молил он.

...зубами выдернул пробку, вскочил на ноги и плеснул жидкость в лицо Слима. Мужчина мгновение стоял как вкопанный, не понимая, что произошло, затем раззявил рот и заорал. Кожа с шипением вспенилась, пошла мелкими пузырями. Веки превращались в оплавленные бесформенные кусочки кожи. Из-под них на щеки текла густая слизь – то, что осталось от глазных яблок. Слим рухнул на колени, выронил нож, и обхватил трясущимися руками обгоревшее лицо.

– Что ты сделал?! – взвизгнул Клюв. – Что ты, гаденыш, сделал?! – на лице отразились растерянность и страх.

Фарамор отбросил склянку, быстро поднял нож Слима и побежал к Ключу. Тот охнул, и уже собирался развернуться и броситься наутек, но одна нога зацепилась за другую, и он

грохнулся на землю. Фарамор подскочил к Ключу – его разум охватила ярость – и вонзил нож ему в спину.

– Нет! – визжал Ключ, тщетно пытаясь подняться.

Фарамор бил и бил ножом, наслаждаясь звуком входящей в плоть стали. Рядом продолжал реветь Слим. Дождь хлынул в полную силу, окутав мир искрящейся пеленой.

Ключ больше не подавал признаков жизни. Фарамор вонзил нож в последний раз, выдернул и поднялся на дрожащих от возбуждения ногах.

«Невея!»

Он подбежал к сестренке, присел и приподнял ее голову. Девочка казалась безжизненной.

– Невея, очнись! – выкрикнул Фарамор и слегка встряхнул сестренку. – Нет, только не это... очнись!

Он заметил, что она еле заметно дышит.

– Жива, жива, – прошептал Фарамор. После чего взял сестренку на руки и вышел на середину дороги. Посмотрел по сторонам. В шум дождя вплеталось завывание ветра. Непогода погрузила мир в бурную мрачную серость. Он вспомнил про дорогу, которая вела в монастырь. В женской обители могли оказать помощь Невее. Других вариантов не было.

Он поспешил к развилке, мимо беззвучно корчившегося в грязи, похожего на огромного червя, Слима.

Фарамор с досадой обнаружил, что лошадь ускакала. Она и телега сейчас были бы кстати. Прижимая к себе сестренку, он шел быстро. Ноги скользили на раскисшей дороге. В отблесках молний дождь походил на мириады серебряных стрел. Гром стал резким, как удары гигантского молота по наковальне – гроза бушевала над самой головой.

Пальцы на порезанной руке онемели, рана жутко саднила. Кровь все еще текла из разбитого носа. Фарамор ощущал ее солоноватый вкус на губах.

Задыхаясь от усталости, он свернул на дорогу к монастырю. Из легких вырывались хрипы. Фарамор не знал, как далеко находится монастырь, но не сомневался, что донесет Невею, даже если женская обитель находится на краю земли. Важнее этого сейчас ничего не было.

Дорога вывела к мосту через овраг, на дне которого клокотал водный поток. Лес остался позади. Фарамор за пеленой дождя не видел, но чувствовал, что вышел на открытое пространство. За мостом началась мощеная каменными плитами дорога, по обочинам которой стояли мраморные статуи. Фарамор собрал всю волю, ускорил шаг и прошел через большую деревянную арку. Впереди показались двустворчатые ворота под широким покатым навесом. Каменные стены монастыря высились в два человеческих роста и ровной полосой уходили в стороны, теряясь в дождливом сумраке.

Фарамор с силой начал колотить носком сапога в основание ворот.

– Прошу вас, кто-нибудь! – отчаянно кричал он.

Ему показалось, что прошла вечность, когда в створке ворот открылось маленькое окошко.

– Что вам надо? – спросил строгий женский голос.

– Моя сестра... мне кажется, она умирает!

Окошко резко закрылось. Послышался скрежет отодвигаемого засова. Фарамор чувствовал, что держит Невею уже на пределе сил. Голова кружилась от усталости. Створка ворот открылась и под навес вышли две женщины в зеленых плащах. Одна из них – стройная, с золотистыми волосами – сжимала в руке копьё.

– Прошу, помогите! – выдохнул Фарамор.

Та, что без копья, приняла из его рук девочку.

– Что с ней?

– На нас напали... я не видел, но, кажется, она ударилась головой.

– Ясно, – сказала женщина и быстро зашла в ворота, прижимая к себе Невею.

Золотоволосая заглянула юноше в глаза.

– Прости, но тебя мы впустить не можем. Мужчинам за ворота входить запрещено. Ты можешь подождать здесь, пока мы не выясним, что с твоей сестрой.

– Спасибо, – прошептал Фарамор. На него накатила ужасная слабость.

Женщина зашла в ворота и закрыла створ. Сейчас Фарамору было хуже, чем на казни отца. Он даже не знал, живой ли принес Невею в обитель. Что если сестра погибла? От этих мыслей хотелось выть. Он сел на деревянный настил и прислонился спиной к воротам. Раскаты грома звучали уже тихо. Гроза удалялась. Ливень перешел в обычный дождь.

«Ты все равно придешь ко мне, и случится это очень и очень скоро!» – вспомнил он слова Сэдры.

– Она знала, – сквозь стиснутые зубы произнес Фарамор. – Ты знала, что все так случится. Знала!

Ему послышалось в шуме дождя «да». Он только сейчас начал сознавать, что убил человека, а возможно и двух. Слим тоже мог не выжить. У него не было и намека на сожаление, напротив, его захлестнуло мощное чувство торжества, которое сейчас затмило тревогу за сестру. Он желал убивать Клюва и Слива снова и снова. Поливать их кислотой, резать ножом. Такие, как они не заслуживают легкой смерти. О нет, эти твари должны страдать! Фарамор сжал кулаки, даже не чувствуя боли в порезанном запястье. Тело напряглось.

Он услышал скрежет засова и поднялся на ноги. Гнев начал отступать. Снова вышла золотоволосая женщина.

– Твоя сестра жива, – сказала она. – Но...

– Что, что с ней?! – воскликнул Фарамор.

– Мы не знаем. Девочка не приходит в себя. Матушка Гая – это наша целительница – ее осмотрела и сказала, что нужно время.

– Время, – прошептал юноша.

– Да, время. Хорошо, что ты принес сестру к нам в монастырь. Уверена, матушка Гая поставит ее на ноги. Тебе-то есть куда идти? – в голосе женщины было искреннее участие.

– Есть, – не раздумывая, ответил Фарамор. Он теперь точно знал, куда направится. К той, что ждала его в Совином Оке. – Благодарю вас, госпожа!

– Да прибудет с тобой святая Дара! – женщина поклонилась и зашла в ворота.

Глава 7

Дождь прекратился, но небо оставалось серым. Издалека все еще доносились отголоски грозы. Влага оживила запахи трав, над землей стелилось легкое марево. Природа успокоилась, позволив лишь ветру шептаться в мокрой листве, как некое напоминание о своей необузданности.

Фарамор вышел на тракт и направился к месту недавней схватки. Он хотел почувствовать удовлетворение от вида мертвого Клюва, и его интересовало, выжил ли Слим?

Последнего он обнаружил мертвым. Слим лежал на спине в грязи, руки были согнуты в локтях, скрюченные, словно лапы паука, пальцы, говорили о невыносимой предсмертной муке. На то же указывало изуродованное лицо, на котором, несмотря на обгоревшую до кости плоть, все же проступала гримаса страдания. Пустые глазницы были наполнены водой, в которой отражались плывущие по небу тучи.

Фарамор с минуту смотрел на Слива, затем направился к обочине дороги, где он ранее обнаружил бесчувственную Невею. Хитреца Хета долго искать не пришлось – кукла лежала на примятой грязно-изумрудной траве и ее рыжие волосы прямо таки кричали: «найди меня!»

Он поднял Хитреца и с силой стиснул в руках, выдавливая впитавшуюся в него влагу. Затем сунул куклу за пояс плаща. Свой нож нашел так же быстро. Суму и мешок решил не брать, почему-то уверенный, что находящиеся в них вещи больше пригодятся. Он окинул взглядом место схватки и направился в сторону Совиного Ока.

На подходе к деревне Фарамор удивился: здесь будто бы и не было дождя. Только что он шел по раскисшей от грязи дороге, а тут все осталось как утром – сухим и пыльным, словно та, что находится под землей, отвела дождь от этого места.

– Ты многое можешь, не так ли? – пробормотал Фарамор.

Найрад оказался дома. Старик, прищурился глазами, сидел за столом и попыхивал трубкой. Он даже не повернул головы, когда в жилище вошел юноша и лишь пробормотал себе под нос:

– Быстро же ты вернулся. Пади случилось что-то?

Фарамор молча снял плащ и повесил на крюк возле двери. Потом подошел к столу, взял кувшин и жадно выпил несколько глотков воды.

– Вниз сейчас полезешь? – спросил старик.

– Полезу, – ответил Фарамор, и решительно направился к двери.

Спускаться в провал оказалось легко. Жители деревни постарались на славу, вбив множество широких деревянных планок на небольшом расстоянии друг от друга, видимо для того, чтобы и ребенок легко преодолел спуск. Фарамор медленно погружался в кромешный мрак, на ощупь определяя очередную опору для рук и ног. Он вдруг представил себе жителей деревни – женщин, стариков, мужчин и детей – каждый день карабкающихся по этой лестнице туда и обратно. Наверняка кто-то все же срывался вниз с жутким криком и разбивался о дно провала. Какова же должна быть сила, нет – чары, манящие людей в чертоги Сэдры?

Скоро ноги нащупали что-то более широкое, чем планки ступеней. Фарамор взгляделся и сообразил что это небольшая площадка для отдыха. «Очень предусмотрительно, – подумал он. – Уж в чем, а в отсутствии усердия строителей лестницы упрекнуть сложно».

Как бы то ни было, но он решил не останавливаться и полез дальше по планкам, которые обнаружил справа от площадки. Круг серого света над головой сужался.

Через несколько минут Фарамор остановился, посмотрел вниз и увидел слабое зеленое мерцание, словно там, в глубине витали мириады светящихся пылинок. Он вытер ладонью выступивший на лбу пот и последовал дальше. Планки-ступеньки стали осклизлые, это заставило двигаться более осторожно и медленно. Здесь, на глубине воздух был сырым, и пахло

свежей могилой. Светлый круг наверху превратился в крохотное пятно размером с монету. Фарамору показалось, что прошла целая вечность, когда он добрался до устланного досками дна провала. И к некоторому облегчению не обнаружил скелетов, сорвавшихся вниз людей.

Блок уходил просторный прямоугольный тоннель, стены которого были выделаны шестигранными плитами. От них исходило зеленое призрачное свечение. Фарамора поразило увиденное. Кто мог построить этот тоннель? Стены не каждого храма отделяют так искусно. А еще его интересовало, куда делась земля, если дыра, по которой он спускался, образовалась в результате обвала? Фарамор подумал, что с тех пор, как они с Невеей пришли вчера в Совиное Око, его жизненный путь начал состоять их сплошных загадок.

Он услышал далекий звук похожий на стон. Возможно, это ветер гулял в подземных пустотах, но Фарамору почудилось, что звук издает живое существо. Он двинулся по тоннелю. Каждый шаг отдавался гулким, улетающим вдаль эхом. Свечение стен превращало темноту в зеленоватые сумерки. Сырой воздух был пропитан запахом подгнивших фруктов – приторным, сладковатым. Иногда на стенах попадались плитки с вырезанным рунами и изображением глаза. Фарамор решил, что для древних строителей тоннеля эти изображения много значили, раз они не поленились украсить ими стены. Загадки глубокого прошлого, во всех смыслах. Судя по всему, тоннель был построен... страшно подумать, сколько столетий тому назад.

Впереди показался просвет. Фарамор ускорил шаг и скоро вышел в огромный зал. У юноши перехватило дыхание от увиденного. Вздыбив плиты пола, из-под земли выбивалось множество мощных, похожих на гигантские сухожилия стволов. Они тянулись ввысь, теряясь в темно-зеленой сумрачной хмари. От них исходило свечение, как от плиток в тоннеле и пульсация, будто внутри волокнистых стволов бились сердца. Стены зала окутывала изумрудная дымка, но Фарамор разглядел, что их испещряли темные, похожие на вены извилистые линии. Казалось, что зал состоит из плоти. Он был живым. Из скрывавшего потолок сумрака доносились тяжелые стоны, там шевелилось что-то черное и огромное, как туша исполинского спрута под толщей мутной воды.

Фарамор двинулся по изрезанным трещинами плитам. Он видел только стены сбоку, но впереди – лишь уходящие вдаль пульсирующие стволы, которые терялись во тьме, как деревья в ночном лесу.

– Я пришел, Сэдра, – произнес Фарамор. В горле пересохло, и голос прозвучал хрипло. – Я пришел! – уже более четко выкрикнул он.

Ответом ему стал очередной стон. Более сильный, чем прежде, обдавший его сверху теплой, пахнувшей гнилью воздушной волной.

Впереди показались бледные твари. Опираясь на длинные руки, они выходили из-за стволов-сухожилий. Их рыбы бессмысленные глаза светились. Некоторые твари поднимали морды и втягивали воздух треугольными дырами, заменявшими носы. Кто-то угрожающе щерил пасти и скреб когтистыми лапами по полу. «Неужели люди могут так измениться? – недоумевал Фарамор. – Какая же сила так их исковеркала?»

– Я пришел, Сэдра! – снова воскликнул он. Звонкое эхо стремительно разлетелось по залу, отражаясь от живой плоти стен.

– Хорошо, мальчик, – раздался гулкий голос. – Очень хорошо!

Наверху в зеленой хмари стремительно за клубилось темное облако и через несколько мгновений из облака начала опускаться женщина, которую Фарамор видел прошлой ночью. Она держалась на темных бесплотных как дым отростках. С тела тягучими нитями стекала слизь. Кожа блестела, отражая призрачный свет. Горящие красным светом глаза, казались чем-то инородным в этом однообразном в своей мрачности зале.

– Тебе нравятся мои подземные чертоги? – голос Сэдры был спокойный и тягучий, как стекающая по стволу дерева смола.

– Мне здесь не по себе, – признался Фарамор.

– Что же, со временем привыкаешь ко всему.

– Ты знала, что на меня и Невею нападут те двое? – выкрикнул он.

Женщина дернулась на темных отростках и приблизилась к Фарамору.

– Не преувеличивай мои возможности, – прошипела она. – Я не могу видеть будущее. О нет, такого дара я лишена. И не надо винить меня в том, что произошло. Вيني себя, мальчик. Ты не был достаточно осторожен, хотя знал: если кто-то узнает в тебе и сестре детей палача, то можно ожидать самого худшего.

– Но, ты сказала, что я вернусь к тебе очень скоро, – произнес Фарамор. – Значит, знала, что должно что-то произойти, не так ли?

– Предполагала. Важно ли все это теперь, когда ты здесь? Я вижу Темную Искру в тебе. Ей не хочется тлеть. Она желает простора... пожара...

– Нет никакой Темной Искры. Это всего лишь моя злость, – неуверенно сказал Фарамор.

– ...Она стучится в твой разум и молит: «Впусти меня! Впусти!» Ты испытал торжество, когда убил тех двоих, верно? Тебе хочется опять испытать это чувство! Сладкое, сладкое ощущение превосходства! Мне ли не знать, мне ли... Я обещала дать тебе силу, сын палача, и ты ее получишь. Она будет расти с каждой жертвой, что падет от твоих рук. Искра разгорится...

– Я стану как они? – Фарамор указал на одну из тварей, которая смотрела на него из-за колонны.

– Нет-нет, мальчик, – поспешила заверить Сэдра. – У тебя иная судьба. Когда Искра превратится в пламя, ты вступишь Неба в этот мир. Станешь причастен к богу. Это твой путь и ему позавидовал бы каждый. Неужели ты не хочешь быть частью чего-то большего, не влачить жалкое существование обычного человека. Я даю тебе выбор, мальчик. Выбор!

Фарамору слова про бога казались бредом, но он верил, что Сэдра поможет отомстить. После того, как люди убили отца, а теперь и ранили Невею, ему только и хотелось что мстить. А Неб? Что же, если все это правда и Неб придет, то мир от этого хуже не станет, ведь хуже уже некуда.

– Что мне надо делать? – спросил он.

– Убивать! – резко ответила Сэдра. – Убивать! Убивать! Убивать! Я уничтожу жалость, сожаление! Очищу твой разум от этих проявлений слабости. О да, мальчик, ты еще не знаешь, насколько слаб человек под давлением этих чувств. Это всего лишь грязь, которую я вымою из твоей души! С каждым убитым врагом ты будешь становиться сильнее! Ты сможешь повелевать нечистью, стоит только приказать! Это власть, мальчик... Власть! Согласен ли ты? Согласен?..

– Но у меня не будет пути назад?

– Вспомни довольную рожу палача, заносащего топор над твоим отцом! – закричала Сэдра.

– Я не хочу убивать всех подряд!

– Сделай свой выбор и ты не пожалеешь!

– Я не знаю...

– Подумай, что сделали бы те двое с твоей сестрой, если бы ты с ними не справился! С твоей маленькой сестренкой...

– Я согласен! Согласен! – воскликнул Фарамор.

Глаза женщины вспыхнули. Она вмиг подлетела к нему и крепко схватила за плечи.

– Ты сделал свой выбор! – выдохнула ему в лицо Сэдра.

Фарамор почувствовал рывок. Ноги оторвались от земли, перед глазами промелькнуло лицо женщины, стены, жилистые стволы. Появились клубы зеленого тумана, которые становились все темнее и темнее, пока не превратились в черные маслянистые завихрения.

Раздался тяжелый протяжный рев. Фарамор ощутил жуткий холод. Ледяной воздушный поток, казалось, сдирал кожу и пробирался до самых костей. Рев становился все сильнее – чудовищный, безумный, он буквально раздирал разум. Перед глазами кружил черный вихрь.

Фарамор кричал, но не слышал своего голоса. В сознании проносились разорванные в клочья мысли – в какой-то миг они собрались воедино и разум завопил: «Я не хочу! Будь ты проклята, Сэдра! Что ты сделала, тварь?!»

А потом рев превратился в скрежет, будто нечто чудовищное коверкало груды ржавого железа. В черном вихре появились серые потоки. Они кружились и извивались, сливались друг с другом и распадались...

– Что-то не так! – сквозь скрежет донеслось до Фарамора.

«Сэдра?!»

«Я схожу с ума, Сэдра! – снова завопил разум. – Останови все это! Останови!..»

Вихрь кружился все быстрее и быстрее. К скрежету прибавился пронзительный визг.

«Останови это, тварь! Пожалуйста, Сэдра!..»

Фарамор не чувствовал тела, но испытывал дикую боль – она будто жгла душу, пронзала само естество. Сознание уже скулило, моля о пощаде:

«Прошу, Сэдра... останови это...»

В следующее мгновение вихрь разорвался, разлетелся на серые клочья, которые растворила в себе абсолютная темнота. А тишина поглотила скрежет и визг.

Темнота. Беззвучие. Они наступили так быстро. Спокойствие. Фарамор почувствовал облегчение, а потом...

«Спокойствие? Это не спокойствие! Нет...»

...он испытал глубинный, буквально пожирающий душу ужас. Сознание ощутило безграничную пустоту черного пространства. Вечность, в которой нет ничего. Здесь не было покоя. Великая Пустота не даст сойти с ума. Беспредельная тоска, бесконечное ничто, над которым не властно время. Фарамор чувствовал, что эта Пустота хуже самой страшной боли. Настанет момент и разум начет выть от невыносимой жажды хоть что-то увидеть в этом черном пространстве, услышать хотя бы малейший звук. И эта безнадежность будет всегда, всегда, всегда... Уже сейчас Фарамор желал, чтобы пришло сумасшествие, чтобы разум затуманился и не ощущал этой чуждой бесконечности.

– Успела! Я успела! – голос Сэдры ворвался, как вспышка молнии.

Перед глазами, а может и в сознании, замелькали лица; блестящее в лучах солнца лезвие топора; брызги крови; сотни глаз; что-то черное и огромное, плывущее среди звезд; объятые пламенем дома; город, над которым клубились красные облака...

– Очнись! – пронзительный женский голос.

На мгновение снова наступила темнота, а потом Фарамор ощутил свое тело. Он распахнул глаза и...

«Сэдра?»

...увидел парящую возле стволов женщину. Наверху медленно колыхалась темно-зеленая хмарь.

Фарамор лежал на полу в подземном зале. Он тяжело дышал, жадно хватая ртом воздух.

– Что-то пошло не так, – голосом похожим на шелест листьев произнесла Сэдра. – Тебя, мальчик, твою душу затащило в Великую Пустоту. Ты был там всего мгновение, и я сумела тебя вытащить... с трудом, но сумела.

Фарамор не понимал, о чем говорит Сэдра. Сознание, будто проявив милосердие, запрятало память о Пустоте, вихре и боли в какие-то потаенные глубины. На поверхности остались лишь обрывки образов: клубящийся черный туман, серые извивающиеся... ручки? Змеи? К горлу подкатила тошнота. Он повернулся на бок и его стошнило.

– Что-то пошло не так, – повторила Сэдра. – Я не представляю, как вообще такое могло произойти? Великая Пустота... это странно.

Фарамор вытер рот ладонью, тряхнул головой и поднялся на ноги.

– Какая Пустота? – прохрипел он. – О чем ты?

– Не помнишь? – женщина парила, и ее движения были плавными, будто замедленными во времени. – Ты не помнишь?

– Я помню холод и... что-то мелькало перед глазами, – он поморщился. – Кажется, я кричал.

– Наверное, это хорошо, что ты не помнишь. Да, это хорошо. Несомненно.

Фарамор посмотрел на бледных тварей – бывших жителей деревни. Теперь их рыбы глаза ему казались осмысленными и даже дружелюбными.

– Ты стал другой, – тихо сказала Сэдра. – Искра очнулась от сна. Я разбудила ее. Не сейчас, но скоро ты все поймешь, мальчик. Очень скоро.

– Пойму – что?

– Всему свое время. У тебя будет помощник, который даст ответы на многие вопросы. Ты с ним встретишься этим же вечером. А теперь... теперь иди. Тебя ждет долгий путь, – женщина начала подниматься к зеленой хмари в вышине зала. Она словно плыла сквозь толщу воды. – Ты всегда желанный гость в моих чертогах, мальчик... всегда... – ее поглотили зеленые сумерки, за которыми двигалось темное нечто. А до Фарамора донеслись последние слова Сэдры: – Забирай жизни... забирай жизни... забирай...

Он выбрался из провала. На небе мерцали звезды. Над лесом поднимался тонкий, окутанный бледным ореолом серп луны.

Фарамор почувствовал странное притяжение леса. Ночь манила на неведомые звериные тропы, в погруженные во мрак чащобы. Это было новое для него ощущение – желание раскрепощенной дикости. «Сэдра изменила меня! – без сожаления подумал он. – Теперь я это чувствую!» В душе Фарамора зарождалось что-то древнее. Оно поднималось из глубин сознания, как давно утерянные воспоминания. Нечто звериное, мощное. Несмотря на ночную прохладу, Фарамора бросило в жар, жутко захотелось пить. С трудом он поборол тягу прямо сейчас броситься в лес и направился к дому Найрада.

В этот раз старик почтил Фарамора тем, что встал с лавки. Он разогнал ладонью выходящий из трубки дым и пристально взглянул на юношу.

– Твои волосы... они серые! – воскликнул Найрад.

Фарамор поднес к глазам прядь волос и долго смотрел, нахмутив лоб, затем произнес:

– Действительно.

На несколько мгновений в сознании вспыхнул образ черного шара с вращающейся воронкой-бездной. Лицо юноши скривилось в гримасе отвращения. Он зажмурил глаза и тряхнул головой. Образ шара исчез.

– Что с тобой случилось? – заискивающе спросил Найрад, усаживаясь обратно на лавку.

– Ничего... не помню. Я разговаривал с Сэдрой, – невнятно ответил Фарамор.

Он допил остатки воды из кувшина и начал озираться, пытаясь найти какую-нибудь отражающую поверхность, чтобы посмотреть на свои седые волосы со стороны. Найрад догадался, что ищет Фарамор.

– Сейчас, сейчас, – сказал старик и направился в спальню. Скоро вышел, держа в руке начищенную прямоугольную медную пластинку. – Узри! – ухмыльнулся он и протянул пластинку.

Фарамор посмотрел на свое отражение. Из глубин медной глади на него смотрело осунувшееся, обрамленное серыми, как мышьяная шерсть, волосами лицо. В красных отблесках пламени из камина оно походило на огненную маску. В нем появилась странная строгость

и острота. Глаза блестели как льдинки. Фарамор скривил тонкие губы в улыбке – ему понравилось, как он теперь выглядит. Исчезла та мальчишеская невинность, открытая простота, что была прежде в лице. В глазах появилась сталь, решимость. «Я убью в тебе жалость!» – вспомнил он слова Сэдры.

– Что ж, это к лучшему, – прошептал Фарамор и положил пластину на стол.

– Да, ты сильно изменился, – произнес Найрад. – Сэдра отметила тебя. Отметила. А меня даже не хочет пускать вниз, – заскулил он. – Почему? Я тоже хочу увидеть ее чертоги! Чем я хуже других? Тем, что стар? Многие старики уже живут там внизу. Да, сначала я боялся спускаться, опасался, что мои руки не выдержат, но теперь... Сэдра... воссла-а-авим! Теперь Сэдра не пускает меня. Хочет, чтобы старый бедный Найрад оставался здесь, наверху, в одиночестве. Хочет, чтобы я встречал случайных путников забредших в Совиное Око и оставлял на ночь. Почему я? Старый бедный Найрад хочет вниз, вниз...

Фарамора начал раздражать скулеж Найрада. Юноша взял Хитреца Хета, который лежал на полке воле двери, вышел из дома и сел на крыльцо. Он подумал, что завтра надо будет прийти в женский монастырь и узнать, как там Невея. Подумал с равнодушием, словно о чем-то неважном.

– Завтра я передам тебя сестре, – тихо обратился он к кукле.

– О, нет-нет, – послышался хриплый голос.

Хитрец Хет зашевелился, и Фарамор резко бросил его на землю – скорее от неожиданности, чем от испуга. Кукла тут же вскочила на ноги и побежала к нижней ступеньке крыльца.

– Тебе надо научиться сдерживать себя! – возмущенно воскликнул Хет. Его вышитый красной нитью рот шевелился, но не открывался. В пуговичных глазах была осмысленность, хотя, возможно, это отражавшийся в них свет луны делал их таковыми. Кукла пригладила тряпичной рукой рыжие волосы-лоскутки и с кряхтеньем взобралась на ступеньку. – Мог бы и помочь, – проворчал Хет.

После спуска в провал Фарамор думал, что его уже ничем не удивить, но ожившая кукла?..

– Как... как такое возможно?

– Я буду присматривать за тобой, парень, – сказал Хет. – Ты сейчас в начале своего пути и можешь наделать много глупостей. Госпожа приказала находиться рядом с тобой и мне это не слишком-то нравится... но я верный слуга Сэдры и ее желание для меня закон! Моя сущность будет теперь в этой кукле...

– Какая сущность?

– Вопросы, вопросы, вопросы, – проворчал Хет. – Почему бы тебе, сын палача, не принять все, как есть?

– Не приму! – строго сказал Фарамор. – Или ты мне скажешь, или я брошу тебя в провал! Думаю, ты будешь долго оттуда вылезать.

– Хорошо, хорошо, – примирительно произнес Хет. – Не стоит нам так начинать отношения, вовсе не стоит. Я демон низшего порядка. Сэдра призвала меня по имени из огненных равнин. Все просто.

Фарамор не думал, что это просто. Он слышал истории о демонах. В небылицах бардов и в храмовых писаниях, эти порождения тьмы были грозные и могущественные, а этот...

– Как твое имя, демон? – спросил Фарамор.

– Никто в этом мире не знает моего имени, кроме Сэдры. И никто не узнает! – со злостью сказала кукла. – Впрочем, ты все равно не сможешь его произнести. Зови меня как прежде: Хитрец Хет. Мне нравится имя Хитрец Хет.

– Хорошо, – согласился Фарамор и вспомнил слова Сэдры о помощнике, который даст ответы на вопросы. Значит, этот помощник демон? – Похоже, Невее придется обзавестись новой куклой.

– Это неважно, – сказал Хет. – Совсем, совсем неважно.

Фарамор увидел, как из провала показалась бледная тварь. Она подняла морду к луне и издала печальный долгий вой. За ней вылезла еще одна и еще. Твари разбрелись по деревне, исчезая в лунных сумерках. Хет проследил за взглядом юноши и тихо произнес:

– Ночь оживает. Ворхи вышли на охоту.

– Ворхи? – удивился Фарамор.

– Да, эти твари зовутся ворхами. Люди, которые превратились нечисть. Забавно, правда? Тебе еще многое предстоит узнать, сын палача, – Хет взглянул на небо, в его пуговичных глазах отразился свет звезд. – Хорошая ночь для охоты. Хорошая ночь, чтобы сделать первый шаг, – он перевел взгляд на юношу и после продолжительного молчания, произнес: – Начни свой путь прямо сейчас, Фарамор. Прямо сейчас. Ты ведь этого хочешь? Чувствуешь, как манит тебя темнота леса? Поддайся зову, ощути свободу, настоящую свободу дикого зверя. Свободу без правил и жалости. Не сдерживая себя. Сэдра убила в тебе ненужные чувства, но много дала взамен. Ощути перемену.

Фарамор увидел, что вокруг Хета образовался красный светящийся ореол. Пуговичные глаза превратились в пылающие щелки. Лоскутные волосы трепетали, как языки пламени на ветру. Рот уже не был вышитым – он щерился рядами мелких острых зубов.

После слов демона Фарамор почувствовал мощный прилив сил, из глубин сознания поднялось что-то древнее, манящее, таинственное – то, от чего захватило дух. Тело затрепетало. Как волна нахлынула жажда действий.

– Что мне делать? – нетерпеливо спросил он.

Хет мгновенно принял прежний вид куклы.

– Что делать? – прохрипел он. – Беги! Сделай первый шаг, почувствуй зов, начни охоту!

– На кого?

– Искра сама приведет тебя к жертве, доверься ей!

Фарамор схватил Хета, поднес его к лицу и хищно улыбнулся.

– Ну, что же, посмотрим! – он сунул куклу за пояс и взглянул на черную полосу леса. Сердце бешено колотилось от волнительного предвкушения чего-то нового. Ему казалось, что стоит сделать шаг и откроется какая-то тайна – эти мысли будоражили разум, сводили с ума и манили, манили, манили...

Он сделал шаг. Потом еще один и еще. А затем внутри что-то взорвалось, ликование наполнило сознание и он рванул с места и помчался не чувствуя земли под ногами. Фарамор никогда еще не ощущал такой легкости. Каждую частицу тела будто бы наполнял рвущийся вперед ветер.

Глава 8

Фарамор перепрыгнул покосившийся забор и помчался через поросшее высокой травой поле к лесу. В темноте вспыхивали глаза ворхов. Бледных тварей охватило возбуждение и они, влекомые непреодолимым зовом, присоединились к Носителю Искры. В свете луны и звезд их тела мелькали в траве, вливаясь в общий поток стаи.

В нем с каждым вдохом менялось все его естество, оборачиваясь в нечто дикое. Сознание ликовало от переполнявшего чувства свободы. Фарамор ощущал за спиной бегущую стаю нечисти, будто он и ворхи были одним целым.

Зрение стало другим. От всего вокруг исходило слабое мерцание, словно деревья, земля, трава переняли у луны ее призрачный свет. Фарамор видел все, неосознанно замечая каждый выступающий из земли корень, упавшую ветку.

Фарамор перескочил через большое поваленное дерево, сделал кувырок по непросохшей после ливня земле и помчался дальше. За ним, преодолевая древесный ствол, неслась волна ворхов. Из вспененных пастей бледных тварей вырывалось хриплое дыхание. Чувства обострились. Он ощущал множество до этого незнакомых запахов. Слышал десятки малейших звуков, которые вплетались в общую паутину жизни ночного леса. Не сбавляя скорости, он ловко уворачивался от ветвей, перескакивал кусты и корни. Фарамор не знал, куда бежал, но это было не важно. Он целиком доверился силе, которая тянула вперед, доверился неведомому зову.

Он почувствовал запах дыма и смолы. Впереди, среди деревьев увидел огоньки костров. Фарамор понял, что это лагерь лесорубов. «Люди из Алтавира!» – с яростью пронеслось в сознании. Накопленная за последние дни злоба нашла цель. «Люди из города! Каждый из них причастен к смерти отца. Каждый!». Фарамор взревел от переполнявшего его гнева, глаза застлала красная пелена. Он бежал по просеке мимо огрызков пней и уложенных рядами бревен. Покрытая слоем примятых ветвей и листьев земля пружинила под ногами. Спящие возле костров люди просыпались, встревоженные приближающимся шумом. Они испуганно всматривались в темноту.

Ворхи, словно переняв у Фарамора ярость, с ревом хлынули на просеку. Вспарывая лапами землю и поднимая ворох листьев, нечисть надвигалась на лагерь лесорубов бледной волной.

Большинство людей охватила паника. Лишь немногие схватились за топоры и ножи. Кто-то с криком бросился в сторону опушки. Фарамор ворвался в лагерь, окинул безумным взглядом мечущихся людей и закричал:

– Убейте их всех!

Мимо него хлынул ревущий поток ворхов, всколыхнув его седые волосы воздушной волной.

– Убейте, убейте! – брызжа слюной орал он.

Рычащая, клацающая зубами ярость поглотила лагерь. Отчаянные, надрывные вопли боли вплетались в общее безумие хаоса. В отблесках костров металась тени и бледные тела нечисти, перекошенные от ужаса лица и оскаленные пасти, отблески стали и когтистые лапы.

Фарамор увидел в одном из пней воткнутый большой топор. Он быстро подошел, без усилий выдернул его и мгновенно ощутил единство со своим новым оружием, словно древко стало частью его тела.

Он двинулся в гущу жестокой бойни, надеясь, что и для него найдется жертва. Фарамор увидел, как несколько ворхов разрывали тело лесоруба. Одна из тварей впилась зубами в горло мужчины и, резко тряхнув головой, вырвала кусок плоти. Красные глаза на окровав-

ленной морде нечисти вспыхнули торжеством. Когти раздирали одежду вместе с мясом. Челюсти с хрустом вгрызались в жилы.

Фарамор перешагнул через растерзанное тело – целой осталась только согнутая в локте рука со скрюченными пальцами. Рядом в рычащей массе прервался хриплый булькающий крик.

Вверх взметнулся сноп искр. Фарамор пробрался сквозь нежить к костру, возле которого обезумевший от ужаса бородатый лесоруб неистово размахивал полыхающей ветвью. Ворхи скалились и делали попытки приблизиться, но, опасаясь огня, отскакивали и пятились.

– Не приближайтесь! Не подходите! – вопил мужчина. Он держался спиной к костру, выписывая ветвью размашистую огненную дугу.

Не колеблясь, Фарамор двинулся на лесоруба. В глазах и широком лезвии топора отражалось пламя. Носитель Искры шел, стиснув зубы и исподлобья глядя на мужчину. Сейчас он видел в этом лесорубе того, кто убил отца. Шум бойни вокруг превратился в крики ликующей толпы на казни. «Приговаривается к смерти! Приговаривается к смерти!..» – пульсировал в сознании голос глашатая.

Словно в тягучем медленном сне, перед лицом пролетела огненная ветвь, обдав снопом обжигающих искр. Ужас в глазах лесоруба сменился недоумением, когда он увидел юношу заносящего над ним топор. Мужчина закричал, но крик резко оборвался, когда лезвие топора с чавкающим хрустом раскроило ему череп.

Фарамор резко выдернул топор и пихнул ногой оседающее тело лесоруба в костер. Языки пламени принялись пожирать одежду, пробовать на вкус кровь и плоть. Носитель Искры некоторое время смотрел на объятую огнем мужчину, затем с наслаждением вдохнул прохладный дымный воздух, поднял над головой топор и закричал. Крик тут же подхватил разноголосый ликующий ор нечисти, который разлетелся над лесом и взметнулся к звездному небу.

Носитель Искры окинул взглядом лагерь. Ворхи с чавканьем и урчанием копошились возле мертвых тел. Фарамор почувствовал мощный прилив сил. Тяжелый топор в руках казался невесомым. Возбуждение не проходило, напротив, он испытывал досаду, что все закончилось так быстро. Проснувшийся в нем зверь жаждал еще крови.

– Тебе понравилось? – спросил Хитрец Хет.

Фарамор и забыл, что у него за пояс заткнута живая кукла.

– Что понравилось?

– Месть! – сказал Хет с хитринкой в голосе.

– Ты что же, думаешь, я не понимаю, что к мести это не имеет никакого отношения? – раздраженно проговорил Фарамор. – Не считай меня глупцом, демон, я вполне могу разобраться в самом себе.

Хет усмехнулся.

– Конечно-конечно, но я не слышу в твоём голосе сожаления.

– Потому что его нет! – твердо сказал Фарамор. – Мне понравилось то, что я сделал. Понравилось, что сделали ворхи. Пускай, эти лесорубы не причастны к смерти отца, но... – он запнулся, не зная, что сказать после этого «но», как оправдать собственную жестокость. Нет, он не жалел о содеянном, вот только ему очень хотелось выявить вину всех этих погибших лесорубов. Четкое обвинение после того, как казнь состоялась. Чтобы все происшедшее обрело смысл. По какой-то причине это было важно для него. Там на дороге, когда он убил Клюва и Слива, все было ясно и правильно, но здесь...

– Но такие, как эти лесорубы, – сказал Хет, – ликовали, радовались смерти твоего отца! Все они ненавидят тебя и сестру только за то, что вы дети палача. Это стадо не желающее размышлять, не умеющее отличать плохое от хорошего! Им становится скучно без ненависти. Они обвиняют в колдовстве и сжигают на кострах женщин, которые еще вчера лечили их детей!

Они доносят на соседей, которые живут лучше них! Ненависть и зависть... ненависть и зависть! Люди не такие разные, как кажутся. Чаще всего они скрывают за маской доброты лицемерие.

Фарамору было странно слышать такие слова от заткнутой за пояс куклы с веселыми рожками волосами и глазами-пуговицами. Он все еще с трудом сознавал, что в Хитреце Хете, любимой игрушке Невеи, находится демон.

– Теперь я чувствую в себе Искру, о которой говорила Сэдра, – сказал Фарамор. – Это она привела меня в этот лагерь. Мне никогда не было так хорошо, когда я бежал через лес.

– Ты чувствовал свободу.

– Да!

– Тебе казалось, что весь мир у твоих ног.

– Мне и сейчас это кажется, – уверенно произнес юноша. – Я ощущаю в себе силу.

– Это только начало, Фарамор, – сказал Хет. – Только начало. Искра в тебе всего лишь вспыхнула, но не разгорелась. Надеюсь, мне суждено увидеть, как она превратится в огненную бурю, очень надеюсь.

Месяц скрылся за деревьями, словно устав быть свидетелем кровавой трапезы воров. Лишь холодные мерцающие звезды остались равнодушно взирать на место недавней бойни.

Фарамор, сжимая в руке топор, двинулся по вырубке обратно в лес, думая, что в его жизни не было ночи лучше этой. А сколько таких ночей еще будет? Он не чувствовал усталости. Если бы не здравый смысл, он бы прямо сейчас бросился в Алтабир со своей небольшой армией нечисти.

Ворхи направились вслед за Носителем Искры, оставив за собой разорванные тела и тлеющие костры. Стая нечисти шла за своим новым вожаком, который вывел их на эту охоту.

Фарамор вернулся в Совиное Око на рассвете. Идти в хижину Найрада желания не было. Что ему там делать? Сидеть слушать кряхтение старика? Ну, уж нет. Теперь, когда он узнал другую, темную и такую прекрасную сторону жизни, ему хотелось заполнять каждую минуту чем-то новым. «Надо идти вперед, – думал Фарамор. – Эта деревня слишком тесна для меня».

У него было чувство, что надо спешить. Куда? Зачем? Он и сам не знал. Словно некий зов будоражил сознание, запрещал бездействовать. Ему нравилось это ощущение, очень нравилось.

Фарамор вышел из деревни и направился к тракту. Впервые за последнее время он вспомнил о Невее. Подумал о сестре с легким волнением. Если Сэдра и убила в нем сочувствие, то не все. Одна капля, почти граничащая с равнодушием, осталась.

– Ты хочешь отправиться в монастырь, узнать о сестре? – словно прочитав его мысли, спросил Хитрец Хет.

– Да, – коротко ответил Фарамор.

– Для тебя это важно?

– Я... я не знаю. Пожалуй, важно, – неуверенно сказал юноша.

– Думаю, тебе не стоит теперь приближаться к тому монастырю, – усмехнулся Хет.

– Это еще почему?

– В эту ночь ты перешел кое-какую черту. Мне трудно объяснить, но некоторые места для тебя теперь закрыты... вернее, не для тебя, а Искры в тебе.

– Я не понимаю, – раздраженно сказал Фарамор.

– Я и не ожидал, что поймешь, – хихикнул Хет. – Чтобы на некоторые вопросы получить ответы, кое-что надо увидеть самому, почувствовать, испытать. Так что, иди к монастырю, если хочешь, и скоро сам все поймешь.

Слова демона немного озадачили Фарамора, но не встревожили. Всего лишь очередная загадка, ответ на который он скоро узнает. Так зачем забивать голову?

Впереди на дорогу выбежал кролик. Зверек подергал ушами, понюхал воздух и в два прыжка скрылся в кустах. Только сейчас Фарамор осознал, насколько он голоден. Ночная охота дала ему пищу другого рода, не для желудка, и желудок теперь настойчиво требовал еды. Юноша сглотнул слюну. Он сейчас жалел, что вчера бросил мешок с припасами на дороге. Да и в доме Найрада могло что-нибудь найтись. Фарамор даже подумал вернуться в деревню.

– Похоже, ты жутко проголодался? – подал голос Хет.

– Мне начинает казаться, что ты умеешь читать мысли, – недовольно проворчал юноша. – А, может, и в самом деле, умеешь?

– Мысли? Нет, – усмехнулся демон. – Но урчание в твоём брюхе говорит весьма красноречиво. Как насчет кролика? Не желаешь ли свежей крольчатинки?

– Ты издеваешься? – зло сказал Фарамор.

– Вовсе нет, – прижатый ремнем к животу юноши Хет дернулся. – Опустите меня на землю. Фарамор пожал плечами и поставил куклу в маленький островок травы на дороге.

– Так что, будем охотиться на кролика? – воскликнул Хет.

– Ты точно издеваешься! – возмутился Фарамор. – Я что, по-твоему, буду носиться по лесу с топором, чтобы изловить кролика? Во мне этой ночью, конечно, много изменилось, но поверь, глупее я не стал! Или у вас демонов шутки такие?

– Шутки у нас разные, а сейчас стой, смотри и удивляйся! Конечно, это не совсем охота, но все же...

Хет вздрогнул и упал на траву. Он выглядел как обычная тряпичная кукла, без малейших признаков жизни.

– Эй! – прокричал Фарамор. – Что это ты задумал?

Хитрец Хет не отзывался, равнодушно взирая пуговичными глазами в небо и бессмысленно улыбаясь вышитой улыбкой. Фарамор поднял куклу и принялся трясти, пытаясь снова пробудить в ней жизнь.

– Куда ты делся, демон?! Вернись, сейчас же!

Вдруг он увидел, как по дороге в его сторону быстро скачет кролик – возможно, тот самый, что перебежал тропу совсем недавно. Глаза зверюшки горели красными угольками, а движения были странными, неестественными. Словно невидимый кукловод дергал за веревочки, управляя телом кролика как марионеткой.

Зверек подбежал к ногам Фарамора и остановился.

– Чего ты ждешь? – раздался снизу голос Хета – голос явно исходящий от кролика. – Возьми и сверни шею зверю, я не собираюсь торчать в нем вечно!

Фарамор сообразил, что демон вышел из куклы и вселился в кролика. Это было удивительно. Он бросил на землю топор и поднял за уши зверька. Тот сразу же задержал лапами, пытаясь вырваться. Красные угольки в глазах погасли.

– Да сверни ты ему шею, наконец! – это воскликнула уже кукла, которая встала на ноги и начала отряхивать от пыли рыжие волосы.

Фарамор резко дернул голову кролика в сторону, почувствовав хруст позвонков. Тушка зверька обмякла.

– А ты не совсем бесполезен, – сказал он Хету.

– И это твоя благодарность? – проворчал демон. – В следующий раз сам добывай себе пищу.

Фарамор поднял топор и пошел дальше по дороге. Хитрец Хет побежал следом, быстро перебирая короткими ножками. Возле дуба, к которому была приколочена доска с надписью «Сэдра здесь. Восславим!», Фарамор остановился и бросил тушку кролика на землю.

– Хорошее место для привала, – заметил он. Затем нераздумывая, отбил топором доску от дуба и расщепил ее на множество щеп. Затем собрал опавшие ветки и разжег костер прямо

посреди дороги. Хитрец Хет держался поодаль, опасаясь, что в его тряпичное, набитое сеном тело отлетит искра или уголек.

Фарамор не умело, но быстро освежевал кролика, разрубил сочащуюся кровью тушку на куски и положил мясо на угли. Запах сводил с ума, заставляя желудок урчать от нетерпения. Не дожидаясь, пока крольчатина полностью пропечется, Фарамор вынул один кусок из угольев, перекинул несколько раз из руки в руку, чтобы немного остудить и впился зубами в сочащееся жиром мясо.

Глава 9

Ирьяда Нара, настоятельница женского монастыря, сидела возле постели девочки. В покрытом сетью морщин лице семидесятилетней женщины отражались отголоски былой красоты. Глаза не утратили блеск, а седые, стянутые обручем волосы походили на серебряные струи, добавлявшие облику Ирьяды нотки благородства.

Для настоятельницы прошедшая ночь была беспокойной. Вчера вечером у двух послушниц случился припадок – одновременно, без какой бы то ни было причины. Они бились в конвульсиях и хрипели, чем немало перепугали особо впечатлительных. После припадков несчастные еще долго приходили в себя. Их трясло как после сильного испуга. Лишь приняв успокоительное снадобье матушки Гаи, одна из них сказала, что во время припадков у нее было видение: темный смерч, в котором кружились зеленые звезды.

– Ужасный, ужасный смерч! – повторяла послушница, и в глазах стоял страх, как подтверждение ее слов. – Он был живой! Само зло... я видела само зло! Боги, за что все это? Чем я заслужила...

Несмотря на успокоительное снадобье, с ней случилась истерика, и матушке Гае пришлось усыпить, дав сонный порошок. Другая послушница находилась в ступоре. Она бормотала про какую-то Искру и на вопросы не реагировала.

Ирьяда Нара и раньше видела припадки, но чтобы сразу у двух человек одновременно? Нет, здесь определенно что-то не так. Если бы это произошло вне монастыря расположенного на святом месте, то можно было бы предположить, что к странному припадку послушниц причастна нечистая сила. Но здесь, в обители такое просто исключалось. Еще Ирьяду встревожили слова про Темную Искру. Она слышала о ней. Определение, связанное с черной магией, что-то очень не хорошее. Это все, что настоятельница знала о Темной Искре. Немного, но достаточно чтобы встревожиться. Ирьяда решила, что позже найдет время и пороемся в библиотеке, возможно, обнаружит в одном из фолиантов более подробные сведения. Матушка Гая вообще не знала о Темной Искре.

– Нет, никогда не слышала, – сказала целительница. – Но мне все это не нравится. Очень не нравится. Терпеть не могу, когда случается то, что я не понимаю. Ума не приложу, что случилось с этими двумя девочками? И заметь, – Гая посмотрела на Ирьяду с таинственным видом, – днем у нас появляется раненая девочка, а вечером у двух послушниц случается припадок, это не очень похоже на совпадение. Здесь определенно может быть связь, ты не находишь?

– Возможно, связь и есть, – задумчиво ответила Ирьяда. – Хотя... нет, это все же совпадение, – и, тяжело вздохнув, добавила: – надеюсь, что это совпадение.

– И вообще, у меня плохое предчувствие, – проворчала Гая. – Весь день себе места не находила. Чую... чую что-то не хорошее!.. Попомни мои слова, я никогда не ошибаюсь.

– Ты, матушка, чуяла конец света, когда правителем Исходных земель стал Таракот, – невесело улыбнулась Ирьяда. – Стареем мы с тобой, Гая, стареем. Преклонные года не добавляют оптимизма. Плохое предчувствие? Что же, будем молиться, чтобы оно не оправдалось.

Лодка Невеи плыла совсем рядом с берегом. Иногда днище касалось подводных камней, грозя застрять на мелководье. Туман растворялся, словно впитываясь в поросшую серой травой землю. Сквозь белесые клочья проступали очертания корявых, лишенных листвы деревьев. Девочка слышала далекий вой, стоны, переходящие в скрежещущий смех, многоголосый шепот. Ее бросало в дрожь от мысли, что она может увидеть источник этих звуков.

– Пожалуйста, отплывай, – просила она лодку.

Туман таял все быстрее. Теперь Невея видела за убогими деревьями огромные руины. Полуразрушенные, торчащие как обломанные клыки башни, обвалившиеся стены – мрачные развалины на фоне серой однообразной мглы.

Лодка зашуршала днищем по мелководью и остановилась.

– Нет! – шепотом, словно опасаясь, что ее кто-то обнаружит, произнесла Невея.

Каменистый берег переходил в широкую, мощеную потрескавшимися плитами дорогу, которая уходила вдаль к развалинам. Шепот усилился. Множество невидимых созданий пытались что-то сказать Невее на непонятном языке.

Она увидела как по дороге, в ее сторону движутся две фигуры. Человек и кто-то маленький, размером с кошку. За ними мелькали бледные призрачные силуэты каких-то существ.

– Пожалуйста, уплывай! – простонала Невея.

Она пыталась встать на ноги, но тело, словно одеревенело. Фигуры приближались. Невея видела, что вместо лица у человека черное пятно, как кусочек ночи с красными искрами глаз. Серые волосы обрамляли эту темноту, будто оправы из тусклого серебра. В руке человек сжимал рукоять большого топора. Маленькая фигура была не ясной, расплывчатой, смутно похожей на крохотного человечка, окутанного красноватым маревом. Лишь глаза горели четкими алыми точками.

– Я не хочу, чтобы они подходили! – с отчаянием сказала Невея. – Не хочу! Уплывай же, уплывай отсюда! Пожалуйста!

Лодка словно услышав ее мольбы, покачнулась, слегка накренилась на один борт и начала разворачиваться. Фигуры были уже совсем близко. Невее показалось в них что-то знакомое. Едва уловимое.

– Уплывай же!

Лодка, рассекая водную гладь, поплыла к середине реки. Шепот начал стихать. Берег окутывался туманом, скрывая деревья, руины и фигуры на дороге.

– Спасибо! – прошептала Невея. – Спасибо!

Ирьяда увидела, что девочка приоткрыла глаза и произнесла:

– Спасибо.

Настоятельница встала и салфеткой вытерла с ее лба выступившую испарину. Взгляд у девочки становился осознанным. Не поднимая головы от подушки, она осмотрелась.

– Где я?

– Ты в безопасности, – мягко сказала Ирьяда.

Глава 10

Погруженный в свои мысли, Фарамор не замечал ничего вокруг. Он думал о будущем, строил смелые планы. Вот только Неvei в мыслях не было. Носитель Искры даже не признавал, что кровные узы оборвались. Прошедшая ночь их уничтожила, растворила в равнодушии. Теперь и память об отце вызвала лишь злость, служила стимулом для новой волны гнева. Будто бы и не было в жизни ничего хорошего, не существовало спокойных дней. Память вырывала из небытия презрительные взгляды соседей, холодную сдержанность булочника торговавшего за углом, перешептывание людей на купище – людей слишком глупых, чтобы отличать плохое от хорошего. Стадо. Людское стадо, которое заслуживает убоя.

Вокруг щебетали птицы, радуясь погожему дню, стрекотали кузнечики, легкий ветерок шелестел листьями. Но у Фарамора эти приятные звуки природы не вызывали никаких чувств. С тем же равнодушием он смотрел на красоту леса и на небо, по которому величественными фрегатами медленно плыли облака. Все это было тем, что его исковерканное Сэдрой сознание теперь определяло, как недостойное внимания.

Фарамор вышел к мосту через овраг. Теперь он смог разглядеть монастырь.

Невысокие каменные стены, овитые плющом, из-за которых виднелись разных размеров строения. Особо выделялось красивое здание с остроконечной башней похожей на шляпку гриба и круглыми окнами, с распахнутыми ставнями. Вокруг монастыря – аккуратные огороженные грядки и хозяйственные постройки, а поодаль, возле леса – священный круг из двенадцати каменных монолитов. С левой стороны обители стоял огромный разлапистый дуб. Ветви простирались над стеной и отбрасывали тень на одно из зданий.

Еще вчера Фарамор решил бы, что место это красивое, но сегодня он смотрел на монастырь равнодушно.

– Ты не передумал туда идти? – подал голос Хитрец Хет.

– Там моя сестра, – ответил Фарамор, и в его голосе не было никаких чувств.

– Ну, что же, удачи! – усмехнулся Хет. – Вот только я, пожалуй, подожду тебя здесь, – демон ловко выбрался из-за ремня и шлепнулся на землю.

Фарамор с недоумением взглянул на куклу.

– Как пожелаешь.

– Представь себе, пожелаю, – серьезно проговорил Хет.

Фарамор оставил в траве возле дороги топор, с некоторым подозрением взглянул на монастырь, пожал плечами и направился к мосту. Мысленно он ругал Хета: «Вот уж достался помощник! Нормально на вопросы ответить не может. Все какие-то загадки».

Вчерашний поток в овраге превратился в быстрый чистый ручей. От статуй, которые стояли вдоль мощеной дороги, отражались солнечные лучи.

Ворота монастыря уже были в двух сотнях шагов, как Фарамор почувствовал беспричинное беспокойство. Прошел еще немного и беспокойство переросло в страх. Страх! Он не испытывал страха даже при встрече с Сэдрой. Что же это такое?

Фарамор остановился и вытер рукавом выступившую на лбу испарину. Сердце бешено колотилось. Оглянулся и увидел Хета, который, стоя по ту сторону моста, весело махал бесполой ручонкой, будто говоря: «Ты еще не передумал? Тогда вперед!» Глаза куклы сверкали, как начищенные монетки.

Фарамор глубоко вздохнул и медленно сделал еще несколько шагов. Внутри все скрутило. К горлу подкатила тошнота. Он почувствовал, как в сознании начинает зарождаться паника. Казалось, что земля вот-вот уйдет из-под ног. Фарамор зажмурился и открыл глаза. Постарался взять себя в руки. В конце концов, чего ему бояться? Это в нем горит Темная Искра! Для него прислуживает нечисть! Это он сам источник страха для всех!

Обливаясь потом, сделал еще два шага. В глазах потемнело. Стиснул зубы, чтобы не закричать. Судорожно подумал, что еще одного шага не выдержит. Подавив упрямство, Фарамор сначала попятился, затем развернулся и пошел обратно к мосту. Хотелось бежать, но он заставил себя не ускорять шаг. Глаза пылали гневом, руки тряслись.

Хитрец Хет стоял за мостом и смотрел, как приближается хозяин. Фарамор видел вышитую улыбку Хитреца, и ему казалось, что демон над ним насмехается. Ближе к мосту юноша побежал. Из горла вырвалось яростное звериное рычание.

Почувствовав недоброе, Хет заметался на дороге.

Фарамор с разбегу, изо всех сил ударил Хитреца мысом сапога. Кукла подлетела в воздух, завертелась и упала далеко в стороне от дороги в густую траву. В порыве ярости юноша собирался побежать за Хетом и еще раз наподдать ему, но гнев начал униматься. Фарамор нервно походил поперек дороги и сел в траву возле топора. Гнев превратился в досаду. Что могло так напугать его? Он вчера был возле монастыря и не испытывал никакого страха!

Хитрец выбрался из травы и, как ни в чем не бывало, направился к юноше. По кукле бегали муравьи, к рыжим волосам прилип прелый лист.

– Ты можешь пинать меня сколько угодно, – усмехнулся он. – Знаешь, мне даже не обидно... и уж тем более, не больно, но кукла эта сшита не из железа и рано или поздно порвется. А еще тебе следует научиться сдерживать гнев, не то твой путь очень скоро закончится. Темная Искра, не Темная, но без здравого смысла она ничто.

– Почему? – понуро спросил Фарамор.

– Да потому, что здравый смысл...

– Почему я испытал страх?!

Хет вытряхнул из волос лист и сел возле Фарамора.

– Страх, страх, страх, – с разной интонацией произнес он. – Здесь все просто. Монастырь находится на священном месте. Увы, но таким, как мы с тобой в такие места лучше не соваться. Ночью ты стал другим, а я вообще демон. Эти места слишком чисты для нас, – слово «чисты» Хет сказал с презрением. – Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

– Пожалуй, понимаю, – произнес Фарамор.

– Тебе нужен опыт! – строго сказал Хет. – Ты должен был ощутить силу противоположную твоей. Должен! Ведь сознайся, прежде чем ступить на этот мост, ты считал себя всемогущим? Возомнил, что сила твоя – которая, кстати сказать, еще в зародыше – безгранична? Я не прав?

– Прав, – с неохотой признал Фарамор.

– Тебя надо было поставить на место, парень. А сейчас не хочешь передо мной извиниться?

Фарамор взглянул на куклу и криво улыбнулся.

– Не дожدهшься, – проворчал он. – Будет достаточно, если я отряхну тебя от муравьев.

Посидев еще немного, они двинулись в путь. За все время, проведенное возле монастыря, Фарамор лишь единожды подумал о Невее, подумал с полным равнодушием: «Жалко, что не удалось разузнать про нее».

Глава 11

Комната была полна растений – в кадках, горшках. В воздухе стоял приятный аромат. Через два круглых окна падали косые солнечные лучи, в которых кружились пылинки.

Невея лежала на кровати и смотрела, как по стеблю одного из растений ползет букашка. Девочка ощущала сильную слабость, но после напитка матушки Гаи голова болеть перестала. Невея тревожилась за Фарамора. Ее успокоили, сказав, что брат жив, но сердце подсказывало: не все так хорошо!

Несколько раз она порывалась подняться с кровати, вот только сил на это не находилось. Некоторое время с ней сидела настоятельница Ирьяда Нара, затем пришла Гая со своим напитком. Целительница сказала, что воздух в этой комнате целебный и скоро Невея встанет на ноги. Гая показалась девочке излишне ворчливой, но доброй.

А еще приходила женщина с золотистыми волосами. У нее были веселые с хитринкой зеленые глаза, густые брови и высокие скулы, а когда она улыбалась, на щеках появлялись ямочки. Звали ее Севера. Это она вчера приняла Невею у брата. Севера рассказала о монастыре, послушницах, жрицах и дарниях – женщинах, обученных искусству боя. Рассказала о том, какая в обители хорошая библиотека и о том, что в монастыре варят лучший сыр в мире. Невее нравилось ее слушать. Перед уходом Севера сказала, что с Фарамором все будет в порядке:

– Я видела его глаза. В них много упорства и силы. Думаю, он придет сегодня. Тем более, твой брат уверил, что ему есть куда идти.

После полудня Ирьяда посетила библиотеку. Настоятельница не давало покоя определение «Темная Искра». В какой-нибудь книге о ней должно упоминаться, ведь в сотнях фолиантов монастырской библиотеки при желании можно найти любую информацию.

Ирьяда прошла вдоль стеллажа с книгами по истории, касаясь пальцами вытесненных на корешках букв. Ей нравилось трогать эти древние источники знаний, словно через пальцы передавалась сокрытая в них сила.

Из-за его пояса выбрался Хет, спры «Основание поселений на севере Исходных земель», «Королевские династии», «Путь через Бескрайние болота», «Великий Исход». Ирьяда читала все эти книги и не помнила, чтобы в них упоминалась Темная Искра.

Настоятельница перешла к стеллажу с книгами по магии. Да, здесь у библиотеки монастыря был существенный пробел: так называемые «Черные книги» здесь хранить запрещалось. «Придется искать информацию в тех, что есть», – с легкой досадой подумала Ирьяда.

«Великие маги Исходных земель», «Великие маги Северных земель», «Боевая магия», «Любовная магия»... Настоятельница перебирала книгу за книгой, пока ее внимание не привлек толстый фолиант под названием «Определения».

Ирьяда сняла книгу с полки и, подойдя к столу, начала листать страницы. Первую часть составляла классификация волшебных существ. Вторая – название и значение магических обрядов. Третья посвящалась травам и минералам. Лишь последняя часть привлекла внимание настоятельницы: «Недоказанное». Здесь все было свалено в кучу. Травы, которых, скорее всего, не существовало, совершенно сказочные существа, недейственные заклинания...

– Нашла! – непроизвольно выкрикнула Ирьяда, и ее голос эхом разнесся по залу.

«Темная Искра» – самый мощный источник темной силы, который может зародиться в человеке. Далее шла легенда о кузнице Рогале, принесшем в Северные земли опустошение и погибель. Он и его армия нежити превратила города в руины. В нем была мощь Темной Искры и перед ним преклонялись короли.

Глава 12

Наступила ночь, а Фарамор все шел вперед по дороге. Он не чувствовал усталости и голова оставалась ясной. Над лесом взошел месяц. Серебряный серп вызвал у Носителя Искры воспоминания о прошлой ночи, когда он и его маленькая армия ворхов устроили бойню в лагере лесорубов.

Фарамор остановился, нахмурился и посмотрел в темноту леса справа от дороги. Он почувствовал легкое притяжение, словно далекий, чуть слышный зов. Там за деревьями явно что-то было, нечто манящее и приятно будоражащее.

– Я что-то чувствую, – сказал он Хету.

– Так почему бы тебе не посмотреть? – ответил демон. – Верь своим ощущениям.

Фарамор кивнул и свернул с дороги в лес, вслушиваясь в звуки ночи. Он прекрасно видел в темноте. То, что манило, становилось ближе. Это ощущение походило на то, что он испытывал вчера, двигаясь в лагерь лесорубов. Сердце бешено колотилось от предвкушения чего-то нового.

Между деревьями мелькнул огонек костра. Фарамор подумал, что это, возможно, охотник устроил ночной лагерь. Человек, которого можно убить. Не жажда ли убийства так его манила? Он почувствовал легкое разочарование. Всего лишь жертва? Всего лишь человек? Ну что же, да будет так.

Сжимая топор Фарамор начал ступать осторожно, стараясь, чтобы под ногами не шуршали листья. Он не ощущал звериного азарта, как вчера. Предстоящее убийство не вызывало удовольствия. Может уйти? К чему делать что-то против своей воли? Он уже видел сидящего возле костра лысого мужчину. Его глаза были прикрыты, отблески костра делали черты лица резкими, словно вырезанными из гранита.

Фарамору не хотелось убивать этого человека. Искре нужны жизни? Ничего, подождет. Сегодня она обойдется без жертв. Он уже собирался развернуться и пойти назад на дорогу, как человек резко открыл глаза, посмотрел в темноту, в которой скрывался Фарамор и произнес:

– Подходи к костру, я почувствовал тебя уже давно, – у него был четкий спокойный голос.

Фарамор неуверенно вышел из темноты и встал возле костра.

– Странные у тебя волосы, – задумчиво произнес мужчина. – Серые. Они стали такими совсем недавно, верно? Хм... странно, весьма странно.

– Кто ты? – спросил Фарамор.

– Всего лишь человек, пригласивший тебя к своему костру. Меня зовут Блэсс Сараг.

– Ты не просто человек. Я это чувствую.

Мужчина склонил голову к плечу и прищурился.

– И кто же я, по-твоему?

– Не знаю. Колдун? – предположил Фарамор.

– Темный колдун! – Блэсс многозначительно поднял указательный палец. – Впрочем, как и ты... Хотя... – в его голосе и лице проскользнуло сомнение. – Ты слишком молод... Что-то в тебе не так, парень, но вот что?

Фарамор сел на землю и сквозь языки костра внимательно рассмотрел Блэсса. У колдуна было лицо, на котором совершенно не представлялась улыбка – черты резкие, выразительные, взгляд цепкий. На щеках и подбородке отсутствовала щетина, а брови такие тонкие, что казалось, их нет вовсе. Лоб прорезали три ровные морщины, через которые от переносицы до середины голого черепа тянулся тонкий бледный шрам.

– С моей стороны будет уместно задать тебе тот же вопрос, парень: кто ты? – с напряжением в голосе спросил Блэсс.

– Меня зовут Фарамор. Я не колдун, но... – он задумался, стоит ли говорить постороннему человеку об Искре и решил, что опасного в этом ничего нет. – Во мне Темная Искра, полагаю, ты слышал о ней, колдуны должны знать о таких вещах.

Блэсс некоторое время молчал. Его взгляд бегал по лицу юноши, словно прошупывая.

– Будь я проклят! – наконец выдохнул он. – Вот уж не думал, что когда-нибудь доживу до этого дня, – на его лбу выступила испарина. – Вот уж не думал... Темная Искра. Она в тебе недавно, верно?

– Да, – подтвердил Фарамор.

Из-за пояса выбрался Хет, спрыгнул на землю и сразу же отбежал на несколько шагов от костра.

– Раз здесь все свои, – проворчал он, – то и мне нечего таиться.

– Это мой помощник, – пояснил Фарамор. – Он выглядит как кукла, но на самом деле – демон.

Блэсс только пожал плечами. Казалось, кукла-демон на него впечатления не произвела.

– Мало кто верит, что Темная Искра существует, – сказал он. – Но я никогда не сомневался. Надо же, передо мной человек, в котором эта Искра зародилась! Клянусь, я ощущаю ее в тебе... Когда ты вышел к костру, мне подумалось, что передо мной невероятно сильный колдун... но Темная Искра?! Удивительные вещи порой творятся. Постой-ка, а не для этого ли я здесь?

– Ты о чем? – удивился Фарамор.

– Чернокнижники со всех земель стекаются в Исходные земли, – ответил Блэсс. – Это происходит уже не меньше года. Все, в ком есть темная сила слышат... нет, не так... чувствуют приказ. Их тянет в Исходные земли. Я жил далеко на западе и однажды почувствовал, что должен, да-да – должен прибыть сюда. Вот так вот, казалось бы без всякой причины. Это как червь в голове. Теперь, кажется, я знаю причину всего этого. Ты и есть – причина.

– Ты когда-нибудь слышал о Нэбе? – спросил Фарамор.

– Конечно. Это один из десятков древних, сейчас уже почти забытых богов.

– Так вот причина – это Нэб. Я должен открыть ему путь в этот мир. Если честно, мне самому все это не очень понятно, – Фарамор усмехнулся. – Если бы мне еще вчера кто-нибудь сказал, что я буду говорить подобные вещи... – он покачал головой. – Все это похоже на бред.

Блэсс задумался, глядя на языки костра.

– Кажется, все встает на свои места, – тихо произнес он. – Ничего не случается без причины. Ты ведь только начал свой путь. Тебе будет нужна помощь. Чернокнижники приходят в Исходные земли, дабы подготовить мир к прибытию Нэба. Теперь это очевидно. Ну, что же, мне это по душе.

– Чтобы Искра разгорелась, мне нужно убивать, – сказал Фарамор.

Блэсс вскинул бровь, отчего шрам на его лбу перекосялся.

– Отлично.

Фарамора удивило такое равнодушие колдуна к человеческой жизни.

– Отлично?.. Знаешь, вчера ночью самое странное существо, какое я видел, лишило меня жалости, но ты...

– Есть много причин, почему человек становится жестоким, – резко заметил Блэсс.

– Да? И какова же твоя причина?

Блэсс замялся. В глазах мелькнул злобный огонек, будто они на мгновение заглянули в прошлое и увидели то, что лишило колдуна жалости.

– Я расскажу, но... не сейчас. Пока скажу лишь одно: причин ненавидеть людей у меня достаточно.

– Все люди разные, – произнес Фарамор.

– Конечно, разные. Вот только иногда в жизни случаются события, после которых уже не хочется выискивать в людях что-то хорошее. Сам того не желая, видишь в них лишь убожество и мерзость. Не знаю, почему так происходит... должно быть, настолько привыкаешь к ненависти, что это чувство начинает нравиться, и ты уже не желаешь от него избавляться. Ты ненавидишь всех и никого в отдельности. Но я не настолько бездушен, как могло бы тебе показаться после моих слов. Нет, не настолько... Есть все же люди, которые вызывают во мне интерес и уважение... и даже жалость.

Фарамор задумался. Блэсс вызывал в нем неоднозначные чувства, но все же он склонялся к мысли, что колдун ему скорее нравится, чем нет.

– Вчера я и ворхи разгромили лагерь лесорубов, – сказал он. – После того, как все закончилось, мне хотелось знать, что эти люди получили по заслугам. Нет, это не слишком меня беспокоило, но все же что-то внутри меня желало видеть их вину. Это... – Фарамор на несколько мгновений замолчал, собираясь с мыслями. – Это, как во время казни...

– Я тебя понимаю, – Блэсс подбросил в костер веток и посмотрел в глаза юноши. – Тебе нужен повод. То странное существо, о котором ты говорил, возможно, и убило в тебе жалость, но не сомнение. Думаю, со временем Искра избавит тебя и от него. Даже не знаю, хорошо это или плохо, ведь ты перейдешь некий предел.

Фарамор нахмурился.

– Предел?

– Да, предел. Каков бы ни был человек, но он должен сомневаться, хотя бы иногда. Полная уверенность в действиях и мыслях может привести к ошибкам. Ну, да ладно, вернемся к тому, с чего начали: ты сказал, что для того, чтобы Темная Искра разгорелась тебе нужно убивать. Хм... и тебе желателен повод. Что же жертвы найти не сложно. Вот, к примеру, неподалеку есть рыбацкая деревушка. Как по мне, так там все жители заслуживают смерти. Три дня назад, они без всякого суда сожгли девчонку, обвинив ее в колдовстве. Кстати говоря, ведьмой она не являлась. Я-то это точно знаю. Иногда людская глупость меня поражает.

В сознании Фарамора возник образ вопящей толпы. Сотни глаз, горящих от восхищения. Такие же бездумные люди, как в Алтавице. Но целая деревня?

– И что ты, Блэсс, предлагаешь? – с легким раздражением спросил Фарамор. – Явиться в деревню и безнаказанно убивать? Во мне, конечно, есть Темная Искра, но силы мои не столь высоки. Как ты сказал, я еще в самом начале своего пути.

– На счет этого у меня есть кое-какая идея, – загадочно ответил Блэсс. – Возле деревни есть погост. Земля на нем давно утратила святость, после того, как там захоронили самоубийцу. Так вот, я могу поднять мертвых. У тебя будет неплохая компания, когда ты явишься в деревню, совсем неплохая, уж ты мне поверь.

– Поднять мертвых?! Ты серьезно, Блэсс? – Фарамору показалось, что колдун издевается.

– Абсолютно серьезно. Перед тобой не просто колдун, а черный маг, отдавший своему делу большую часть жизни. Для меня поднять мертвецов дело не сложное, надо только провести кое-какой обряд. А ты... знаешь, думаю, когда Искра в тебе разгорится, ты и сам сможешь поднимать мертвых, и более того, изменять их. И для этого тебе не понадобятся никакие обряды. В чем-то я тебе даже завидую.

Фарамор поднялся и принялся расхаживать возле костра, под пристальным взглядом Блэсса. В нем боролись сомнение и жажда действий. Наконец он остановился, посмотрел на куклу:

– А ты что молчишь, Хет? Что ты обо всем этом думаешь?

– Мертвяки, так мертвяки, – без воодушевления ответил демон. – В конце концов, надо же с чего-то начинать твое становление. Пускай это будет убийство жителей деревни.

– Неожиданно все это, – сказал Фарамор, пригладив волосы. – Целая деревня...

– Неожиданно? – Блэсс сощурил глаза, смотрел на юношу сквозь языки пламени. – Ты просто еще не осознал своей сути. Но скоро поймешь... Десятки, сотни людей для Искры – ничто! Неожиданно? Жители той деревни для тебя всего лишь начало пути. Шаг, который через очень короткое время для тебя станет настолько незначительным, что я не уверен, вспомнишь ли ты о нем вообще. И подумай еще вот о чем... тебе не кажется, что ты не случайно оказался здесь, возле моего костра? Возможно, это Искра тебя привела? Лично я в этом уверен. А значит, она знала, что я предложу напасть на деревню.

– Выходит, все просто идет своим чередом, – задумчиво произнес Фарамор. – Искра ведет меня и я должен всего лишь к ней прислушиваться.

– Полагаю, что так.

Уголки губ Фырамора дрогнули и поползли вверх, обозначив улыбку больше похожую на гримасу.

– Хорошо, – произнес он и взглянул в глаза колдуну. – Я сделаю этот шаг.

Блэсс поднялся и развел руками.

– Думаю, мы можем прямо сейчас отправиться на кладбище.

До погоста они шли не больше часа.

Месяц медленно полз по небу, затмевая светом россыпь звезд и покрывая выщербленные надгробные камни бледным саваном. Некоторые могилы поросли бурьяном, но были и ухоженные. Кладбище находилось почти на самой опушке, и деревья здесь росли корявые, словно сама эта земля вытягивала из них жизненные соки. От погоста в сторону опушки шла широкая дорога, а в просвете между деревьями виднелась посеребренная луной водная гладь озера.

Фарамор и Блэсс дошли до середины кладбища. Колдун снял с плеча походный мешок и вынул из него металлическую круглую коробочку.

– Для начала мне понадобится только это, – зачем-то пояснил он. – Ты, Фарамор, можешь подождать здесь, пока я буду обходить могилы. Дело это долгое и вряд ли для тебя интересное.

– Хорошо, – согласился Фарамор. Он прислонил топор к покосившемуся надгробному камню и сложил руки на груди. Хет закопошился за поясом, выбрался и спрыгнул на землю.

Блэсс ушел в дальний конец кладбища и начал обходить могилы. Возле некоторых он останавливался, что-то шептал и сыпал на землю щепотку порошка из коробочки. Фарамор некоторое время смотрел за действиями колдуна, затем уселся на землю и прислонился спиной к камню. Возле ног расхаживал Хет.

– Мне показалось, что тебе не нравится Блэсс, – обратился Фарамор к кукле. – Это правда?

Хет остановился. Пуговичные глаза на мгновение вспыхнули алым светом.

– Он колдун! – резко сказал Хет. – Такие, как он силой призывают демонов и заставляют прислуживать.

– Вот так новость, – усмехнулся Фарамор. – А как же Сэдра? Это ведь она тебя вызвала и заставила мне помогать. Или я что-то неправильно понял?

– Сэдра не человек, – проворчал Хет. – Когда тебя силой призывает человек, это унижительно. А Сэдра... в ее случае можешь считать, что я сам вызвался.

– А я? Тебе не унижительно мне помогать?

– Нет, – коротко ответил демон и отвернулся.

Блэсс обошел уже половину кладбища. В тишине ночи Фарамор слышал похожий на шелест листвы шепот колдуна.

В просвете между деревьями забрезжила розовая полоса денницы. Воздух наполнился влагой, над землей за клубились серые клочья тумана. Словно предчувствуя беду, со стороны озера протяжно завывала собака.

Темнота ночи сменилась утренними сумерками, когда Блэсс закончил обходить могилы. Колдун положил коробочку с порошком в мешок и вынул из кожаного чехла на поясе нож.

– А теперь главное! – с трепетом в голосе сказал он и, сделав глубокий вдох, полоснул ножом по расчерченной множеством шрамов ладони. Из пореза выступила кровь. Колдун сжал ладонь в кулак, разжал, опустил ее к земле и начал медленно поднимать, растопырив окровавленные пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.